

ЛУИ-АДОЛЬФ ТЬЕР

ИСТОРИЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Луи-Адольф Тьер

**История Французской
революции. Том 3**

«Издательство Захаров»

1873

УДК 82-94
ББК 84(3)Фр

Тьер Л.

История Французской революции. Том 3 / Л. Тьер —
«Издательство Захаров», 1873

ISBN 978-5-8159-1339-4

Луи-Адольф Тьер (1797–1877) – политик, премьер-министр во время Июльской монархии, первый президент Третьей республики, историк, писатель – полвека связывают историю Франции с этим именем. Автор фундаментальных исследований «История Французской революции» и «История Консульства и Империи». Эти исследования являются уникальными источниками, так как написаны «по горячим следам» и основаны на оригинальных архивных материалах, к которым Тьер имел доступ в силу своих высоких государственных должностей. Оба труда представляют собой очень подробную историю Французской революции и эпохи Наполеона I и по сей день цитируются и русскими и европейскими историками. В 2012 году в издательстве «Захаров» вышло «Консульство». В 2014 году – впервые в России – пять томов «Империи». Сейчас мы предлагаем читателям «Историю Французской революции», издававшуюся в России до этого только один раз, книгопродавцем-типографом Маврикием Осиповичем Вульфом, с 1873 по 1877 год. Текст печатается без сокращений, в новой редакции перевода

УДК 82-94
ББК 84(3)Фр

ISBN 978-5-8159-1339-4

© Тьер Л., 1873

© Издательство Захаров, 1873

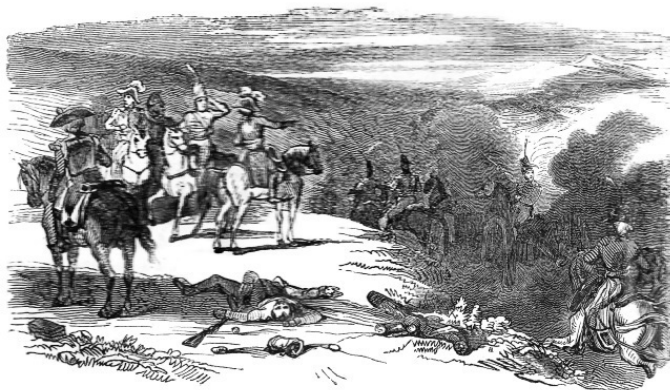
Содержание

Директория	6
Глава XLIV	6
Глава XLV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тьер Луи-Адольф

История Французской революции. Том 3

Директория

Глава XLIV

Положение армий на Севере, на Рейне и в Пиренеях – Первые предательские замыслы Пишегрю – Интриги и планы роялистов – Возобновление военных действий – Истребление роялистской армии Гошем – Мир с Испанией – Французская армия переходит Рейн

Положение армий мало изменилось, и, хотя прошла уже половина летнего сезона, не произошло ни одного сколько-нибудь важного события. Моро принял руководство над Северной армией, стоявшей в Голландии; Журдан – над армией Самбры-и-Мааса, стоявшей на Рейне около Кельна, Пишегрю – над Рейнской армией, расположенной от Майнца до Страсбурга. Войска терпели нужду, постоянно возрастающую вследствие ослабления правительства и страшного падения бумажных денег. Журдану не из чего было построить мост через Рейн, не было лошадей, чтобы перевести артиллерию и обозы. Клебер, стоявший перед Майнцем, не имел половины осадного материала, требующегося для покорения этого города. Солдаты толпами уходили домой. Большинство из них считали, что достаточно сделали для Республики, победоносно донеся ее знамена до Рейна. Правительство не знало, как прокормить их, не умело занять их и разжечь рвение крупными операциями. Силой возвращать тех, кто покидал свое знамя, не смели. Всем было известно, что молодежь первого ополчения, своевольно удалившись, не подвергается розыску и наказаниям; многие даже открыто проживали в Париже и пользовались расположением комитетов, которым часто служили в качестве волонтеров.

Поэтому дезертирство приняло громадные размеры, армии лишились четверти свои сил, и везде ощущалось то общее послабление, которое убивает преданность солдата службе, поселяет неудовольствие между офицерами и колеблет их верность. Депутат Обри, заведовавший в Комитете общественного спасения личным составом армии, устроил настоящий переворот против офицеров-патриотов и в пользу тех, кто не служил в двух памятных кампаниях 1793 и 1794 годов.

Если бы австрийцы не были до такой степени деморализованы, то поняли бы, что настала удобная минута отомстить за свои неудачи. Но вместо этого они медленно приходили в себя за

Рейном и не делали ничего, чтобы помешать единственным двум операциям, предпринятым французами в этом году, – осаде Люксембурга и Майнца. Эти крепости оставались у коалиции на левом берегу. Взятие Люксембурга должно было довершить завоевание Нидерландов, а взятие Майнца лишило бы имперские войска моста, во всякое время дозволявшего беспрепятственно переходить Рейн. Люксембург после блокады, продолжавшейся всю зиму и весну, сдался от голода 24 июня (6 мессидора). Майнц мог пасть только от осады, но осадного материала не хватало. Следовало обложить город на обоих берегах, а для этого Журдану или Пишегрю нужно было перейти Рейн. Эта операция и так была трудна перед лицом австрийцев и совершенно невозможна без лодок для составления моста.

В Альпах положение армии было еще менее удовлетворительным. На Рейне по крайней мере был взят

Люксембург, приобретение весьма важное, тогда как в Альпах французы даже отошли от границы Италии. Келлерман командовал обеими альпийскими армиями. Они терпели такую же нужду и ослабели еще и потому, что у них несколько раз отнимали отдельные отряды. Правительство вздумало устроить против Рима нелепейшую провокацию с целью отомстить за убийство Басвиля¹. Посадив 10 тысяч человек на корабли тулонской эскадры, приведенной в полную исправность заботами прежнего Комитета общественного спасения, министры думали послать их к устью Тибра с тем, чтобы они сошли там на берег, двинулись в Рим, взяли с папской столицы контрибуцию и тотчас вернулись на свои суда. К счастью, морская битва с лордом Хотэмом, из которой обе эскадры вышли равно поврежденными, помешала исполнению этого плана.

Отряд, взятый у Итальянской армии, был ей возвращен, но требовалось в то же время отправить другой в Тулон для умирения сторонников террора и еще один – в Лион, чтобы отнять оружие у местной гвардии, которая позволяла резать патриотов. Таким образом, обе армии на Альпах лишились части своих сил, тогда как пьемонтцы и австрийцы, напротив, получили подкрепление – 10 тысяч тирольцев. Генерал Де Винс, пользуясь минутой, когда Келлерман отрядил в Тулон одну из своих дивизий, напал на его правый фланг близ Генуи. Келлерман, будучи не в силах состязаться с таким сильным противником, вынужден был отступить. Его центр всё еще занимал Коль-ди-Тенда, но генерал уже не мог растягивать правое крыло до Генуи и занял позицию за линией Боргетто. Можно было опасаться прекращения сношений с Генуей, как только неприятель занял бы западное побережье залива, именуемое Ривьера-ди-Поненте.

В Испании не было сделано решительного ничего. Армия Восточных Пиренеев всё еще занимала Каталонию до берегов реки Флувии. Она дала несколько бесполезных сражений и все-таки не смогла занять позиции за рекой. В Западных Пиренеях Монсей освежил свою армию, страдаемую болезнями, собираясь возвратиться в Гипускоа и двинуться в Наварру.

Хотя французы ничего не потеряли, кроме территории в Италии, и даже заняли одну из первейших крепостей в Европе, однако управляли ими вяло и на них сильно сказывался общий беспорядок.

Следовательно, это была удобная минута не для того, чтобы победить французов, потому что опасность мгновенно пробудила бы в них всю прежнюю энергию, а чтобы поколебать их преданность революции. Мы видели выше, как роялисты и иностранные кабинеты стоварились о разных предприятиях против восставших провинций; как Пюизе и Англия занимались планом высадки на берега Бретани; как агенты роялизма в Испании и в Париже предлагали организовать экспедицию в Вандею. Даже эмиграция думала о том, чтобы вторгнуться

¹ Басвиль Никола-Жан-Жозеф – посол Франции при папском дворе; во время беспорядков в Риме в 1793 году его растерзала толпа. – *Прим. ред.*

во Францию с востока, пока Испания и Англия будут приводить в исполнение свои планы на западе. Принц Конде расположил генеральную квартиру на Рейне, где командовал отрядом из 2500 человек пехоты и 15 тысяч кавалерии. Предполагалось приказать всем эмигрантам, скитавшимся по континенту, примкнуть к нему; таким образом, отряд увеличился бы бесполезными до сих пор эмигрантами, и Конде сумел бы сдерживать республиканские армии, постарался бы проникнуть во Франш-Конте и даже пойти на Париж, между тем как граф д'Артуа с западными повстанцами приблизился бы к столице с другой стороны. Если бы это не удалось, то всё же оставалась надежда на такую же капитуляцию, на какую согласились вандейцы, и на тех же условиях. Эмигранты, участвовавшие в этой экспедиции, могли бы сказать: «Мы – французы и если прибегли к междоусобной войне, то во Франции же, не мешая в наши ряды иностранцев». Сторонники этого плана даже говорили, что это – единственное средство для эмигрантов вернуться во Францию: либо через контрреволюцию, либо через амнистию.

Англия, взяв отряд Конде на жалованье и весьма желая диверсии на востоке Франции, пока она будет действовать на западе, требовала, чтобы принц сделал попытку, всё равно какую. Англичане обещали ему через своего посланника в Швейцарии Уикхема помощь деньгами и все необходимые для формирования новых полков средства. Принц, храбрый до самозабвения, лучшего не мог и пожелать. Он был неспособен руководить сражением, но всегда готов с головой окунуться в сколько угодно рискованную авантюру.

Ему подсказали идею соблазнить Пишегрю, командующего Рейнской армией. Грозный Комитет общественного спасения более не пугал генералов, не преследовал их вечно бодрствующим взором и вечно занесенным над их головами мечом. Республика платила своим офицерам жалованье ассигнациями, так что они едва имели возможность удовлетворять самые насущные нужды. Беспорядки, возмущавшие внутреннее спокойствие в стране, угрожали самому существованию Республики и пугали честолюбцев, которые боялись лишиться своих высоких наград. Про Пишегрю было известно, что он охотник до женщин известного рода и до всяких кутежей; что получаемых им ежемесячно 4 тысячи франков ассигнациями, едва равнявшихся 200 франкам на границе, не могло хватить на расходы и что ему надоело служить столь шаткому правительству. Кроме того, припоминали, что во время событий жерминаля он, будучи в Париже, энергично помогал умирять патриотов. Все эти обстоятельства подали повод к предположению, что генерала Пишегрю можно соблазнить выгодными предложениями.

Итак, Конде обратился к одному из своих сторонников, Монгальяру, а этот последний – к некоему книгопродавцу в Невшателе, господину Фош-Борелю, который, будучи гражданином мудрой и благоденствующей республики [Швейцарии], согласился служить темной интриге совершенно чуждой ему династии. Фош-Борель отправился в Альткирхен, где находилась главная квартира генерала Пишегрю. Там он присутствовал на нескольких смотрах и так упорно всюду следовал за генералом, что обратил на себя его внимание. Наконец Фош-Борель решился подойти к Пишегрю в коридоре и сначала заговорил о какой-то рукописи, которую будто бы желал посвятить ему. Пишегрю отчасти сам вызвал книгопродавца на откровенность, и тогда тот объявил ему, в чем дело.

Генерал потребовал письма от принца Конде, чтобы точно знать, с кем имеет дело.

Фош-Борель вернулся к Монгальяру, а Монгальяр опять обратился к принцу. Ему пришлось просидеть целую ночь, чтобы заставить принца написать письмо в восемь строк. То Конде не хотел называть Пишегрю генералом, опасаясь, чтобы это не равнялось признанию Республики, то не хотел скреплять конверта своим гербом. Наконец, уже с письмом, Фош-Борель вернулся к Пишегрю, который, увидев почерк принца, тотчас же приступил к переговорам. Ему предложили чин маршала, звание губернатора Эльзаса, миллион деньгами, замок и парк Шамбор в полную собственность, а кроме того, пенсию в 200 тысяч франков, которая перейдет после его смерти к жене и детям. Для армии Пишегрю предлагали сохранение всем

офицерам их чинов, пенсии для комендантов крепостей, которые сдадутся; наконец, освобождение от налогов лет на пятнадцать для городов, которые добровольно раскроют свои ворота. Взамен требовали, чтобы Пишегрю поднял белое знамя, сдал крепость Гюнинген и пошел с принцем Конде на Париж.

Генерал был слишком хитер, чтобы согласиться на подобные условия. Он не хотел сдавать Гюнинген и поднимать белое знамя: это значило бы скомпрометировать себя и слишком связать. Он требовал, чтобы ему позволили перейти Рейн с отборным отрядом, и там уже обещал поднять белое знамя и взять с собой принца, чтобы потом вместе идти на Париж. План ничего не выигрывал от этого изменения, потому что так же трудно было уговорить армию по ту сторону, как и по эту. Но в этом случае он, Пишегрю, не рисковал попасться при сдаче крепости и не найти предлога, который мог бы объяснить измену. Перейдя Рейн, он, напротив, мог еще не довершить измены, если бы не поладил с принцем и с австрийцами; или, если бы измену открыли слишком скоро, мог воспользоваться переходом, чтобы выполнить операции, предписанные правительством, а потом сказать, что для того только и внял предложениям неприятеля, чтобы воспользоваться ими против него же. В том и другом случае Пишегрю оставлял за собой возможность предать либо Республику, либо Конде, с которым вел переговоры.

Фош-Борель возвратился к тем, кто послал его на переговоры, но его отправили обратно с предписанием настаивать на тех же условиях. Он несколько раз ездил взад и вперед и всё никак не мог уладить спорного пункта, который только в том и заключался, что принц непременно требовал сдачи Гюнингена, а Пишегрю – перехода через Рейн. Ни тот ни другой не хотели предоставлять противнику такую большую выгоду в самом начале игры. Главное, что мешало согласиться принцу, – это необходимость обратиться к австрийцам за разрешением перейти через реку; ему хотелось действовать независимо от них, чтобы честь контрреволюции принадлежала ему одному. Однако ему всё же пришлось снестись об этом деле с австрийским государственным советом, а Пишегрю в это время, по причине неусыпного надзора комиссаров, вынужден был отказаться от замышляемой измены.

Пока всё это происходило в армии на границе, агенты, находившиеся во Франции, – Леметр, Бротье, Депоммель, Ла Виллерау, Дюверн де Прель и прочие – продолжали плести интриги. Юный принц, сын Людовика XVI, к тому времени умер от нарыва в колене, следствия слабого здоровья. Роялистские агенты утверждали, что он был отравлен, и поспешили отыскать сочинения о церемониале помазания и послать их в Верону. Регент превратился в короля и назывался теперь Людовиком XVIII.

Замирение непокорных областей было только кажущимся. Жители, ощутив преимущества спокойствия и безопасности, были весьма склонны к окончательному миру, но вожди и вояки, закалившиеся в войне, ждали лишь удобного случая, чтобы снова взяться за оружие. Шаретт, имея в своем распоряжении местные отряды, набранные главным образом из людей, ощущавших решительное влечение к военному делу, только о том и думал, делая вид, будто следит за спокойствием в крае. Он уже не выходил из своего лагеря в Бельвиле и беспрестанно принимал там роялистских агентов. Парижская агентура доставила ему послание из Вероны – ответ на письмо, в котором он извинялся за свое участие в замирении края.

Претендент на престол уверял Шаретта, что извинений не требуется, а также оповещал о своей неизменной милости и доверии, утверждал Шаретта в звании наместника и извещал о скорой помощи из Испании. Парижские агенты, еще усиливая выражения принца, льстили честолюбию Шаретта обширной перспективой: они обещали ему начальство над всеми роялистскими областями и значительную экспедицию, долженствующую выйти из испанских портов и привезти подкрепление и французских принцев. Что касается экспедиции, готовившейся в Англии, они делали вид, что не верят в нее. Англичане, говорили агенты, всегда много обещали и всегда обманывали; впрочем, надо пользоваться их средствами, если это возможно,

только совсем с другой целью: надо высадить в Вандее подкрепление, назначенное Бретани, и подчинить последнюю провинцию Шаретту, который один пользуется доверием нынешнего короля. Всё это должно было одновременно льстить и честолюбию Шаретта, и его ненависти к Стоффле, и ревности, с которой он смотрел на недавно возросшее влияние Пюизе, и, наконец, неприязни Шаретта к Англии.

Что касается Стоффле, он не менее Шаретта желал снова взяться за оружие. Его родина более других областей ценила выгоды мира и выказывала большее отвращение к войне, но сам он чувствовал себя глубоко оскорбленным предпочтением, оказываемым Шаретту. Он также заслужил звание наместника, пожалованное его сопернику, и был сильно уязвлен тем, что называл вопиющей несправедливостью.

Бретань была по-прежнему вполне готова к новому восстанию. Шуанские вожди, как и вандейские, получили разрешение образовать из своих лучших солдат милицию, призванную наблюдать за спокойствием края. Каждый из этих вождей составил себе отряд стрелков из самых отважных шуанов и одел их в мундиры: зеленый камзол, зеленые штаны и красный жилет. Корматен, втянувшись в свою роль, важничал до смешного. Он устроил в Ла Превале свою «главную квартиру», как он выражался; публично посылал шуанам приказы, помеченные этим адресом; переходил с места на место, чтобы организовать отряды стрелков, брал на себя право наказывать за нарушение мира, если таковое совершалось; словом, играл роль настоящего губернатора Бретани. Он часто приезжал в Ренн в своем шуанском мундире, который вошел в моду; там он принимал знаки высокого уважения жителей и ухаживания женщин, которые воображали, что видят важное лицо, главу роялистской партии.

Втайне же Корматен продолжал готовить шуанов к войне и переписываться с роялистскими агентами. Роль его перед Пюизе была затруднительной: он его ослушался, обманул его доверие, вследствие чего ему не оставалось ничего, как только вполне отдаться парижским агентам, которые сулили ему высокий пост в Бретани и сообщали свои планы относительно Испании: эта держава обещала 1500 франков в месяц с условием действовать независимо от Англии. Ничто так не могло прийти Корматену по душе, как план, дающий ему возможность разорвать сношения с Англией и Пюизе.

Два других офицера, посланные из Лондона в Бретань, – де Ла Вьёвиль и д'Андинье, – тоже примкнули к планам парижской агентуры, придя к убеждению, что Англия вновь намерена обмануть роялистов, как недавно в Тулоне; что она только хочет воспользоваться их содействием, чтоб прибрать к рукам французский порт и заставить французов драться против своих, но не намерена предоставлять существенной помощи, действительно могущей поставить партию принцев на ноги и обеспечить им победу. В то время как часть бретонских вождей вполне отказались от этих взглядов, другие – особенно в Морбигане, Финистере и Кот-дю-Нор, – давно связанные с Пюизе дружбой, привыкшие служить под его началом, окруженные его заботами и чуждые парижских интриг, называли Корматена предателем и писали в Лондон, что готовы опять взяться за оружие. Они закупили военные припасы и материю, пробирались к республиканским солдатам и уговаривали их дезертировать. И это им вполне удавалось, потому что, располагая всем краем, они обладали большими запасами, тогда как республиканским солдатам, дурно кормленным и получающим только ассигнации, не оставалось ничего, как бросать свои знамена, чтобы не умереть с голоду.

К тому же правительство имело неосторожность оставить много бретонцев в полках, выступавших против роялистов, и эти бретонцы весьма естественно становились на сторону своих земляков.

Гош, всегда бдительный, внимательно наблюдал за состоянием края. Он видел, что патриоты под предлогом закона о разоружении преследуют население; что роялисты задирают носы и хвалятся; что зажиточные крестьяне неохотно продают хлеб и другие продукты; что дороги небезопасны, а дилижансы принуждены передвигаться с конвоем; что у шуанов проис-

ходят тайные сходы и беспрестанные сношения с островом Джерси. Он написал комитету и депутатам, что замирение было не чем иным, как хитрой уловкой; что Республика обманута и, судя по всему, можно ожидать скорого возобновления военных действий.

Он потратил мирное время на то, чтобы образовать летучие колонны и разместить их по всему краю для обеспечения спокойствия с приказом прекращать первое же подозрительное собрание. Но число войск Гоша было недостаточно для края таких обширных размеров и такой протяженности берегов. Каждую минуту признаки движения в какой-нибудь местности или появление английских судов у берега требовали присутствия этих колонн то тут, то там, и солдат изнуряли беспрестанные переходы. Для того чтобы управиться с подобной службой, от армии и ее славного генерала требовались стойкость и терпение, во сто раз превосходящие ту храбрость, которая пренебрегает смертью в бою. К несчастью, солдаты вознаграждали себя за эти лишения и труды всякими беспутствами; Гош был в отчаянии, но ему так же трудно было присматривать за ними, как и за неприятелем.

Наконец ему представился случай поймать Корматена на деле. Были перехвачены его депеши к разным шуанским предводителям, и это послужило уликой его тайных происков. Узнав, что он собирается в Ренн на ярмарку с толпой переодетых шуанов, и опасаясь покушения на арсенал, Гош велел арестовать Корматена и этим положил конец его деятельности. Вожди тотчас же подняли шум и пожаловались на такое нарушение перемирия, но Гош в ответ напечатал письма Корматена и отправил его с сообщниками в тюрьму в Шербур.

В то же время он продолжал держать все свои колонны в полной готовности. Шевалье де Зильц только шевельнулся в Морбигане, как на него уже напал генерал Жоне, уничтожил триста человек и разбил его. Сам де Зильц также погиб. В Кот-дю-Нор поднялся Буа-Арди: его отряд был разогнан, он взят в плен и убит. Солдаты, взбешенные изменой этого молодого вождя, самого могущественного во всем крае, отрубили ему голову и долго носили ее на штыке. Гош, возмущенный таким неблагородным поступком, написал своим солдатам выразительное письмо и велел разыскать виновных, чтобы наказать их. Такое быстрое истребление двух вождей, решившихся вновь восстать, заставило задуматься остальных. Они пребывали в нерешительности, с нетерпением ожидая прибытия столь давно обещанной экспедиции. Девизом их оставались слова: «Да здравствуют король, Англия и Боншан!»

В Лондоне тем временем происходили большие приготовления. Пюизе отлично поладил с английскими министрами. Они уже не давали ему того, что обещали сначала, поскольку замирение ослабило их уверенность в успехе, однако предоставляли полки эмигрантов и значительную артиллерию для десанта; кроме того, они обещали поддержать Пюизе всеми средствами, если только появится хоть тень успеха. Интерес Англии заставлял верить в эти обещания: изгнанная с континента завоеванием Голландии, она находила выгодным перенести поле своих действий в самую Францию и послать в бой французов же вместо своих войск.

Вот какие средства получил Пюизе. С начала настоящей кампании эмигрантские полки поступили на английскую службу. Те, из которых состоял отряд Конде, должны были, как мы выше видели, остаться на Рейне, другие – отплыть из устья Эльбы прямо в Бретань. Кроме этих старых полков, которые носили черную кокарду и весьма скучали на бесплодной службе, Англия разрешила сформировать еще девять полков, которые получали бы жалованье от англичан, но носили белую кокарду и имели более французский вид. Трудность заключалась в том, чтобы набрать эти полки, потому что эмигранты, в первом порыве согласившиеся служить в качестве солдат, теперь отказывались.

Думали было набрать на континенте французских дезертиров или плененных. Но дезертиров не оказалось, потому что победитель не дезертирует к побежденным. Оставались одни только военнопленные. Граф д'Эрвильи отыскал в Лондоне выходцев из Тулона, составивших полк, и причислил их к своему полку, который довел таким образом до 11–12 тысяч, то есть

больше чем до двух третей полного комплекта. Граф Гектор составил свои полки из эмигрантов-моряков и набрал шестьсот человек. Граф дю Дрене нашел бретонцев, забранных против воли в первую реквизицию и взятых в плен во время войны, – их оказалось около пятисот. Вот и все французы, каких удалось набрать в эти новые полки с белыми кокардами.

В Лондоне находился еще подполковник Ротальё, который командовал четырьмястами канонирами из Тулона. Из них составили полк артиллерии, а из нескольких французских инженеров – инженерный корпус. Что касается эмигрантов, которые хотели служить не иначе как в своих прежних чинах и не находили себе солдат, решили составить из них костяк будущих полков и постепенно наполнять таковые инсургентами в Бретани. Так как в людях там недостатка не было, а сведущие офицеры были большой редкостью, то эмигранты должны были найти там себе настоящее дело. Их послали на остров Джерси, чтобы организовать и держать в готовности к высадке.

Пюизе, набирая войска, доставал также и деньги. Англия обещала металлических денег в порядочном количестве, но он хотел добыть именно ассигнаций и выхлопотал у принцев разрешение напечатать на три миллиарда фальшивых.

Он также хотел иметь рядом с собой какого-нибудь епископа, который исполнял бы роль папского легата в католических странах. Пюизе помнил, как один интриган, самовластно присвоив титул епископа Агрского, пользовался чрезвычайным влиянием на поселян в первую вандейскую войну, поэтому он взял с собою епископа из Доля, получившего от Рима полномочия. Затем Пюизе добыл у графа д'Артуа нужные полномочия, чтобы иметь право на руководство экспедицией и назначение офицеров всех чинов до личного прибытия принца. Английское правительство, со своей стороны, поручило ему начальство над экспедицией, но, опасаясь его чрезмерной отваги и страстного желания скорее ступить на французскую землю, назначило графа д'Эрвильи начальником эмигрантских полков, пока не совершится высадка.

Покончив со всеми приготовлениями, посадили на корабли эскадры полки д'Эрвильи, Гектора, дю Дрене, тулонских артиллеристов под предводительством Ротальё и старый эмигрантский полк Ла Шатра, известный как *Royal-Emigrant*, от которого осталось только четверста человек. Эта горстка храбрецов должна была служить резервом для решительных дел. Эскадра была снабжена съестными припасами для шести тысяч человек на три месяца; к этому прибавили сто лошадей, верховых и упряжных, 17 тысяч полных пехотных и 4 тысячи кавалеристских мундиров, 27 тысяч ружей, 10 полевых орудий и 600 бочек пороха. Пюизе получил 10 тысяч золотом и аккредитивы, чтобы дополнить фальшивые ассигнации более верными финансовыми средствами.

Эскадра состояла из трех линейных кораблей в 74 пушки, двух фрегатов в 34, четырех кораблей в 80 и 36 пушек, нескольких канонирских лодок и транспортных судов. Ею командовал коммодор Уоррен – один из лучших и храбрейших офицеров английского флота. Это была первая половина обещанного. Кроме того, условились, что тотчас по выходе в море этой части эскадры другая отправится в Джерси за эмигрантами, будет некоторое время крейсировать перед Сен-Мало, где у Пюизе были связи с несколькими изменниками, обещавшими сдать ему этот порт, и затем, если Сен-Мало сдан не будет, догонит Пюизе.

В то же время несколько транспортных судов должны были отправиться к устью за эмигрантскими полками с черной кокардой, чтобы и их привезти к Пюизе. Предполагалось, что все эти отряды придут на место почти одновременно с ним. Если высадка совершится без затруднений; если часть Бретани поспешит к Пюизе навстречу; если ему удастся занять прочное положение на французских берегах, получив Сен-Мало, Лорьян, Пор-Луи или другой порт, – тогда новая эскадра, уже с английской армией, с новыми запасами и с самим графом д'Артуа, немедленно выйдет в море. Лорд Мойра уже уехал за принцем.

В одном только можно было упрекнуть эти распоряжения: в том, что экспедиция была раздроблена, а еще в том, что французский принц не отправился во главе первого отряда.

Экспедиция вышла в море в середине июня. Пюизе взял с собою епископа Дольского, множество духовных лиц и сорок дворян, носивших славные имена и служивших простыми волонтерами. Никто не знал, где будет происходить высадка, кроме Пюизе, Уоррена и господ Тентеньяка и д'Аллегре, которых Пюизе отправил вперед известить о своем прибытии.

После долгих совещаний югу Бретани было отдано предпочтение перед севером, и решили выбрать бухту Киберон, одну из лучших и самых безопасных в Европе, притом хорошо известную англичанам, потому что они долго стояли там на якоре. Пока экспедиция отправлялась, Сидней Смит и лорд Корнуоллис угрожали всему берегу, чтобы обмануть республиканцев насчет настоящего пункта высадки, а лорд Бридпорт с эскадрой, ставшей у острова Уэссан, охранял эскадру Уоррена.

Французский флот в Атлантике перестал быть ведущим после несчастной прошлогодней крейсеровки, во время которой брестский флот сильно пострадал от непогоды. Тем не менее Вилл ар-Жуайёзу отдали приказ выйти из Бретани с девятью линейными кораблями, стоявшими там на якоре, чтобы соединиться с отрядом, блокированным в Бель-Иле. Он исполнил это, а потом гонялся за несколькими английскими судами и уже возвращался в Брест, когда внезапный шквал разбросал его эскадру. Адмирал потерял много времени, собирая ее, и в этот промежуток встретил экспедицию, направлявшуюся к французским берегам. Он был сильнее и мог бы захватить ее всю; но коммодор Уоррен, заметив опасность, поднял все свои паруса, конвой расставил несколько поодаль, так, чтобы он имел вид второго отряда, и послал два катера разыскивать большую эскадру лорда Бридпорта.

Вилларе, не надеясь сразиться с выгодой для себя, опять направился, согласно инструкциям, к Бресту. Но тут лорд Бридпорт подошел к французским кораблям и немедленно напал на них. Всё это происходило 23 июня (5 мессидора). Вилларе решил строиться по «Александру», а так как это был плохой ходок, то флот потерял бездну времени в маневрах. Вся линия пришла в смятение. Адмирал потерял три корабля – «Александра», «Грозного» и «Тигра» – и не мог даже добраться до Бреста, а вынужден был остановиться в Лорьяне.

Экспедиция, в самом начале отличившись этой победой, направилась к бухте Киберон. Часть эскадры подошла к Бель-Илю и от имени французского короля пригласила гарнизон сдать, но в ответ получила от коменданта, генерала Букре, только пушечные выстрелы и бросила якорь в бухте 25 июня (7 мессидора).

Пюизе получил сведения, что на берегу мало войска, и хотел высадиться немедленно. Граф д'Эрвильи, человек храбрый, умевший поддержать в полку отличную дисциплину, но неспособный руководить целой военной операцией, а главное – крайне щепетильный относительно долга и начальнической власти, объявил, что командует войсками именно он, а потому ответственен перед английским правительством и не станет рисковать войсками, пуская их на неприятельский и незнакомый берег, предварительно не сделав рекогносцировки. Д'Эрвильи потерял целый день, водя подзорной трубой по всему берегу и, хотя не видел ни единого солдата, однако не позволил войскам высадиться. Он согласился, только когда Пюизе и Уоррен решили, что высадка необходима, и 27 июня (9 мессидора) безумные, ослепленные французы с шумной радостью ступили на родную землю, которой принесли междоусобную войну и на которой их ожидала столь печальная участь.

Бухта, в которой стала эскадра, образуется с одной стороны берегом Бретани, с другой – полуостровом, имеющим около мили в длину и около двух в ширину. Это и есть знаменитый Киберонский полуостров. Он соединен с материком узкой песчаной полосой, или перешейком, называемым Ла Фалез. Форт Пентьевр, находящийся между полуостровом и этой полосой, защищает доступ к нему со стороны суши. В форте стоял гарнизон из семисот человек. Бухта, образуемая полуостровом и берегом, представляла судам один из безопаснейших и уютнейших рейдов во всей Европе.

Экспедиция высадилась в глубине бухты, близ деревни Карнак. В это же самое время несколько бретонских вождей – дю Буа-Вертело, д'Аллегре, Жорж Кадудаль и Мерсье, – предуведомленных Тентеньяком, пришли встречать ее со своими сторонниками, разогнали небольшие береговые отряды, оттеснили их от моря и сами заняли берег. С ними были 4–5 тысяч человек, закаленных, но дурно вооруженных, дурно одетых, не соблюдавших строя и вообще походивших больше на разбойников, чем на солдат. К шуанам присоединились окрестные поселяне с криками «Да здравствует король!». Они тащили яйца, кур и всякого рода провизию армии-избавительнице, явившейся для того, чтобы возвратить им веру и государя.

Пюизе, обрадованный таким началом, уже рассчитывал, что поднимется вся Бретань, но прибывшие с ним эмигранты испытывали ощущения другого рода. Прожив всё это время при дворах или прослужив в лучших европейских армиях, они с отвращением и недоверием смотрели на солдат, которые должны были поступить под их начало. Уже слышались насмешки и сетования. Когда с кораблей принесли ящики с ружьями и платьем, шуаны накинулись на них. Сержанты полка д'Эрвильи хотели восстановить порядок, и последовала драка, которая могла бы иметь пагубные последствия, если бы не вмешательство самого Пюизе. Эти обстоятельства не особенно послужили к водворению доверия между инсургентами и регулярными войсками, к которым шуаны уже потому были расположены относиться с подозрением, что они прибыли из Англии и состояли на службе этой державы.

Однако подходившим жителям, которых в два дня набралось 10 тысяч человек, всё же раздали оружие и выдали красные мундиры, а затем Пюизе решил назначить им начальников. У него было мало офицеров, потому что прибывших сорока волонтеров явно не хватало. Поэтому он хотел взять нескольких офицеров из полков, где их было много, отдать им шуанов, затем быстро идти на Ванн и Ренн, не дать республиканцам опомниться, поднять весь край и занять позицию за важной Майеннской линией. Уже там, располагая местностью на протяжении сорока лье, Пюизе думал организовать регулярные войска.

Д'Эрвильи, храбрый, но щепетильный человек, презиравший этих дикарей, не дал Пюизе офицеров. Вместо этого он хотел отобрать из них людей получше для укомплектования полков, а затем двинуться вперед по всем правилам, делая рекогносцировки и выбирая позиции. Не таков был план самого Пюизе. Он попробовал сослаться на свою власть, но Д'Эрвильи не признал ее и объявил, что начальник над регулярными войсками по-прежнему он, что он отвечает за них перед английским правительством и не должен рисковать ими.

Пюизе стал разьяснять д'Эрвильи, что этот пост был дан последнему только на время плавания, а по вступлении на бретонский берег он, Пюизе, становится начальником и полномочным хозяином положения. Он тотчас же отправил в Лондон курьера за более точным толкованием полномочий, а пока умолял д'Эрвильи не портить дела пагубными раздорами. Д'Эрвильи ощущал сильнейшее отвращение ко всем этим оборванным инсургентам. Впрочем, все эмигранты находили, подобно ему, что им не пристало вести дела на манер шуанов; что Пюизе компрометирует их, приведя в Бретань; что высадиться надо было в Вандее, где они нашли бы доблестного Шаретта и, вероятно, солдат совсем другого вида.

Несколько дней прошло в этих препирательствах. Наконец шуанов разделили на три корпуса и расположили на передовых позициях, чтобы обеспечить дороги из Лорьяна в Энбон и Оре. Тентеньяк с отрядом из 2500 шуанов стал левее, в Ландеване; дю Буа-Бертело – правее, у Оре, с почти равными силами. Граф Вобан, один из сорока волонтеров, приехавших с Пюизе, занимал между ними первое место по своей репутации и достоинствам. Он должен был расположиться на центральной позиции в Мендоне с 4 тысячами шуанов, так чтобы иметь возможность подать помощь Тентеньяку и дю Буа-Бертело. Ему была поручена вся линия, которую защищали 9-10 тысяч человек и которая выдвигалась вглубь страны на четыре или пять лье.

Шуаны сейчас же спросили, отчего с ними не поставили и регулярных войск. Они на эти войска рассчитывали гораздо более, чем на самих себя; они пришли с тем, чтобы охранять

их и поддерживать, следовать за ними, но полагали, что регулярные войска везде будут впереди и первыми будут встречать грозный натиск республиканцев. Вобан потребовал только 400 солдат регулярных войск, отчасти чтобы выдержать первую атаку в случае надобности, а отчасти чтобы успокоить шуанов, подать им пример и доказать, что их не хотят подвергать опасности одних. Д'Эрвильи сначала отказался, потом заставил ждать и наконец прислал требуемый отряд.

Прошло уже пять дней после высадки, а продвинулись всего на каких-нибудь три-четыре лье от берега. Пюизе был очень недоволен, однако молчал, всё еще надеясь победить медлительность своих товарищей. Полагая, что на всякий случай не мешает заручиться точкой опоры, он предложил д'Эрвильи взять приступом форт Пентьевр и завладеть полуостровом таким способом. Взяв этот форт, замыкавший полуостров со стороны суши, и опираясь с обеих сторон на английские эскадры, эмигранты получили бы неприступную позицию, и этот полуостров, имеющий лье в длину и два в ширину, стал бы более безопасным и удобным сборным пунктом, чем Лорьян, Брест или Сен-Мало.

Такая мера предосторожности не могла не понравиться д'Эрвильи; он согласился, но потребовал, чтобы против форта Пентьевр предприняли правильную атаку. Пюизе не послушался и решил идти на приступ, а коммодор Уоррен предложил поддержать его всеми пушками своей эскадры. Канонада началась 1 июля (13 мессидора), а решительный приступ последовал 3-го. Пока велись приготовления, Пюизе разослал эмигрантов по всей Бретани с целью расшевелить Шаретта, Сепо, Стоффле и других вождей мятежных провинций.

Весть о высадке распространилась с необычайной быстротой: в два дня она обошла всю Бретань, а в несколько дней – всю Францию. Роялисты были вне себя от радости, революционеры – от гнева; и тем и другим уже чудилось, что эмигранты входят в Париж. Конвент немедленно послал к Гошу двух чрезвычайных комиссаров; выбор его пал на Блада и Тальена. Присутствие последнего на угрожаемом пункте должно было служить доказательством того, что термидорианцы столь же враждебны роялизму, сколь и террору.

Гош, со своим неизменным хладнокровием, тотчас же написал Комитету общественного спасения: «Нужны спокойствие, энергичность, съестные припасы, которых у нас мало, и те 12 тысяч солдат, которых вы мне обещаете так давно». Нисколько не медля, он отдал нужные приказания начальнику своего главного штаба: велел генералу Шабо стать с отрядом в 4 тысяч человек между Брестом и Лорьяном, чтобы поспешить на помощь к тому из этих двух портов, которому будет грозить наибольшая опасность. «В особенности, – сказал он генералу, – берегите Брест; если что – запритесь в этом городе и защищайтесь до последней капли крови».

Гош написал Оберу-Дюбайе, командовавшему войсками на шербурских берегах, чтобы тот отправил часть их на север Бретани – охранять Сен-Мало и берег. Для охраны юга он попросил Канкло, который всё еще присматривал за Шареттом и Стоффле, прислать генерала Лемуана с подкреплением. Затем Гош стянул все свои войска к Ренну, Плоэрмелю и Ванну, чтобы быть обеспеченным с тыла, и, наконец, сам двинулся на Оре со всеми войсками, бывшими у него под началом. Второго июля (14 мессидора) он уже лично был в Оре и с ним 3–4 тысячи человек.

Таким образом, Бретань обложили со всех сторон. Здесь должны были рассеяться иллюзии, порожденные первым восстанием Вандеи. Потому что в 1793 году вандейцы, не встречая сопротивления ни от кого, кроме национальных гвардий, состоявших из буржуа, не умевших обращаться с оружием, смогли завладеть всем Пуату и Анжу, а потом, в своих оврагах и вересках, устроить гнездо восстания, которое оказалось нелегко подавить. И эмигранты вообразили, что Бретань поднимется по первому знаку Англии. Но бретонцы были далеки от пыла первых вандейцев. Только несколько банд шуанов твердо настаивали на продолжении войны или, вернее сказать, своих грабежей; а молодой полководец, деятельный настолько же, насколько

даровитый, притом располагая опытными войсками, сдерживал население целой провинции твердой и смелой рукой. Могла ли Бретань восстать при таких обстоятельствах, особенно если армия, пришедшая помочь ей, не действовала быстро и решительно, а точно ощупью шла по побережью океана?

Это еще не всё: часть шуанов, находясь под влиянием парижских роялистских агентов, не хотела присоединяться к Пюизе, пока с ним не явится хотя бы один из принцев. Эти агенты и все участвовавшие в их интригах кричали, что экспедиция малочисленна и слаба и Англия только собирается повторить в Бретани то, что произошло в Тулоне. Они утверждали, что Англия по-прежнему хочет отдать корону – но не графу д'Артуа, а герцогу Йоркскому, и что следует не помогать экспедиции, а вынудить ее опять сесть на суда и отправиться туда, где стоит Шаретт, который, со своей стороны, был бы этому весьма рад. Шаретт отвечал на настоятельные просьбы агентов Пюизе, что послал Сепо в Париж требовать исполнения одной из статей договора и поэтому должен ждать его возвращения, чтобы, преждевременно возобновив военные действия, не подвергнуть его опасности быть арестованным. Что касается Стоффле, гораздо лучше Шаретта относившегося к делу, тот ответил, что если ему будет обещано звание наместника, то он сейчас же двинется и устроит диверсию в тылу республиканцев.

Так всё словно сговорилось против Пюизе: и виды, противные его видам у роялистов во Франции; и личная зависть вандейских вождей друг к другу; наконец, искусный противник, располагавший хорошо организованными силами, достаточными для того, чтобы удержать в границах роялистские порывы бретонцев.

Пюизе собрался идти на приступ форта Пентьевр 3 июля (15 мессидора). Солдаты, находившиеся внутри форта, уже три дня сидели без хлеба. Так как их, кроме того, очень беспокоила стрельба с кораблей, то они не дождались штурма и сдались. Но в то же время Гош, расположившийся в Оре, приказал атаковать все передовые посты шуанов, чтобы восстановить сообщение между Оре, Энбоном и Лорьяном, и – одновременно – посты, находившиеся в Ландеване и близ Оре.

Шуаны, которыми командовал Тентеньяк, не выдержали энергичного напора регулярных войск. Вобан поспешил на помощь к Тентеньяку с частью своего резерва, но застал его отряд уже разогнанным, а при виде этого поражения разбежался и отряд Вобана. Ему самому пришлось бежать и даже переплыть два маленьких морских рукава, чтобы добраться до шуанов, оставленных в Мендоне. Дю Буа-Бертело тоже был отеснен и чуть не оказался зажат между республиканцами, шедшими справа и слева от него. В эту минуту Вобану оченьгодились бы те четыреста линейных солдат, о которых он просил; но д'Эрвильи только перед тем отозвал их, чтобы атаковать Пентьевр.

Однако Вобан несколько ободрил своих шуанов и уговорил их воспользоваться случаем и напасть на республиканцев с тыла. Он отошел влево и напал на деревню, в которую республиканцы вошли бегом, преследуя шуанов. Они не ждали такого нападения и вынуждены были отступить. Затем Вобан возвратился на свою позицию в Мендон, но очутился там один: кругом него разбежались все, и ему тоже пришлось отступить, но в порядке и только после того, как он своим энергичным нападением умерил прыть неприятеля.

Шуаны негодовали по поводу того, что одни должны сдерживать напор республиканцев и что у них отняли регулярный отряд из четырехсот человек. Пюизе обратился к д'Эрвильи с упреками, но тот ответил, что солдаты были нужны ему для приступа. Эти обоюдные укоры ни к чему не привели, и обе стороны сохранили прежнее взаимное раздражение.

Между тем форт Пентьевр был взят. Пюизе высадил на полуостров всю артиллерию, присланную англичанами, устроил там свою главную квартиру, перевел туда все войска и решил прочно укрепиться. Он приказал инженерам усовершенствовать оборону форта и поднял на нем белое знамя рядом с английским – в знак союза между королями Англии и Франции. Наконец решили, что каждый полк даст гарнизону отряд соразмерно своей численности. Д'Эр-

вилли, которому весьма желательно было укомплектовать свой полк, и не какими-нибудь, а хорошими войсками, предложил взятым в плен республиканцам перейти к нему на службу и образовать в его полку третий батальон. Безденежье, голод, наконец, надежда, что скоро представится случай возвратиться к Гошу, заставили республиканцев решиться на это.

Пюизе, всё собиравшийся идти вперед и остановившийся только для того, чтобы взять полуостров и обеспечить себе надежную позицию на морском берегу, горячо поговорил с д'Эрвилли, самыми основательными доводами убеждая его помочь в исполнении планов; он даже грозился потребовать смещения генерала, если тот будет упорствовать в своем отказе. Д'Эрвилли как будто уступил. Шуаны, по словам Пюизе, нуждались только в поддержке, чтобы выказать свою храбрость; надо было разместить регулярные войска перед ними и за ними, и, имея 12–13 тысяч человек, из них 3–4 тысячи регулярных солдат, можно было бы побить Гоша, у которого в ту минуту было не более 5–6 тысяч республиканцев. Д'Эрвилли согласился на этот план. В это самое время Вобан, потеряв прежнюю позицию и признавая свое положение весьма рискованным, попросил у д'Эрвилли помощи и дальнейших приказаний. Д'Эрвилли послал ему приказ самого педантического содержания, в котором предписывал графу отступить в Карнак и совершить там движения, которые были под стать только самым поднаторевшим в маневрах войскам.

Пятого июля (17 мессидора) Пюизе покинул полуостров, чтобы сделать смотр шуанам, и д'Эрвилли тоже вышел со своим полком, намереваясь исполнить свое вчерашнее решение. Пюизе обнаружил у людей, преисполненных энтузиазмом всего нескольких дней назад, одну только грусть, уныние, досаду. Они говорили, что их нарочно выставляют одних и отдают во власть республиканским войскам. Пюизе успокоил их как мог. Д'Эрвилли, со своей стороны, поглядев на этих солдат, наряженных в красные, неловко сидевшие на них мундиры и не умевших толком держать ружья со штыком, объявил, что нельзя ничего сделать с подобными войсками, и повернул со своим полком назад. Пюизе встретился ему на пути и спросил, так ли он исполняет условленный план. Д'Эрвилли ответил, что никогда не решится действовать с такими солдатами, что остается только сесть опять на суда или запереться на полуострове и ждать новых приказов из Лондона, то есть, по его мнению, – приказа высадиться в Вандее.

На следующий день, 6 июля, Вобан получил тайное уведомление о том, что республиканцы задумали атаку на всю его линию. Он видел, что положение его крайне опасно. Левым своим флангом Вобан опирался на пункт под названием св. Варвара, сообщавшийся с полуостровом; но центр его и правый фланг тянулись по берегу, и не оставалось другого пути отступления, кроме как в море. Шуаны его, совсем обескураженные, не могли в случае нападения продержаться хоть сколько-нибудь долго. Графу Вобану не оставалось ничего иного, как завернуть влево и пробраться на полуостров перешейком. Но в таком случае он оказывался запертым, потому что оставленный им пункт св. Варвары был совершенно неприступен со стороны перешейка и господствовал над ним. Стало быть, такое отступление равнялось решению запереть себя на Киберонском полуострове.

Вобан послал за помощью, чтобы не быть вынужденным отступить. Д'Эрвилли прислал ему новый приказ, составленный по-прежнему самым чопорным слогом, с предписанием держаться в Карнаке до последнего. Пюизе, однако, настоятельно потребовал, чтобы Д'Эрвилли послал войска, и тот наконец пообещал.

На следующий день, 7 июля, республиканцы атаковали шуанов по всей линии. Те смотрят на перешеек, не видят регулярных войск и приходят в дикую ярость. Молодой Жорж Кадудаль, солдаты которого отказываются драться, умоляет их не разбегаться, но они его не слушают. Жорж, в свою очередь взбешенный, восклицает, что эти злодеи англичане и эмигранты только затем и пришли, чтобы погубить Бретань, и что море сделало бы лучше, если бы поглотило их, вместо того чтобы принести к берегу.

Вобан приказывает центру и правому флангу свернуть влево, чтобы постараться уйти на полуостров. Шуаны слепо бросаются туда, и с ними бегут их семейства, которые спасаются от мщения республиканцев. Женщины, дети, старики, унося с собою всякий скарб, смешиваются с несколькими тысячами шуанов в красных мундирах, теснятся на этом длинном и узком песчаном перешейке, с обеих сторон омываемом волнами и уже обстреливаемом пулями и ядрами. Вобан собирает вокруг себя вождей и самых храбрых из своих людей, уговаривает их не губить себя беспорядочным бегством, заклинает их ради спасения жизни и чести отступить в порядке. Они заставят краснеть, говорит он им, регулярные войска, которые бросили их одних в опасности.

Ему понемногу удается придать несчастным некоторую бодрость, уговорить повернуться лицом к неприятелю, выдержать его огонь и даже начать отвечать на него. Тогда, благодаря твердости вождей, отступить начинают более спокойно: землю уступают лишь шаг за шагом. Однако еще мало надежды справиться с энергичной атакой и не свалиться в море; но храбрый коммодор Уоррен вмешивается в дело, открывает по республиканцам жаркий огонь и не дает им завоевать победу.

Беглецы теснятся у входа в форт, но сначала их туда не пускают. Тогда они бросаются на частокол и вторгаются на полуостров как попало. В эту минуту наконец появляется д'Эрвильи со своим полком; Вобан встречает его и, уступая гневному движению, говорит, что потребует у него отчета перед военным советом.

Шуаны рассыпаются по всему полуострову. Все квартиры в деревнях оказываются заняты полками; из-за этого завязываются споры и даже схватки. Наконец шуаны укладываются просто на землю; им выдают по полпорции риса, и они съедают его сырым, потому что не в чем и не на чем сварить его.

Итак, вся экспедиция, долженствовавшая нести знамя Бурбонов на берега Майенны, очутилась вдруг запертой на полуострове в два лье длиной. Надо было кормить 12–15 тысяч лишних ртов, не имея для них ни квартир, ни дров, ни посуды. Этот полуостров, защищаемый фортом с одного конца и подпираемый с обеих сторон морем, мог оказать серьезное сопротивление; но без съестных припасов он становился крайне слаб. Припасов было привезено, правда, достаточно, чтобы прокормить 6 тысяч человек в продолжение месяца, но теперь вдруг приходилось кормить 18, если не все 20 тысяч.

Выйти из этого положения внезапным нападением на Сент-Барб было едва ли возможно, потому что республиканцы с необыкновенным усердием укрепляли эту позицию, чтобы сделать ее неприступной со стороны полуострова. Пока смятение, взаимная ненависть, уныние господствовали среди шуанов и эмигрантов, в лагере Гоша, напротив, солдаты и офицеры с равным увлечением работали над укреплениями. «Я видел, – пишет Пюизе, – как офицеры сами, в рубашках, отличаясь только кокардою, работали кирками и торопили своих солдат».

Пюизе решился в ту же ночь сделать вылазку, чтобы прервать эти работы, но темнота и неприятельские орудия расстроили всякий порядок, и пришлось вернуться. Шуаны, в отчаянии, жаловались, что их обманули. Они жалели о своем прежнем способе ведения войны и требовали, чтобы их отпустили в родные леса. Они буквально умирали с голода. Д'Эрвильи, чтобы принудить шуанов поступить в полки, приказал выдавать нерегулярным войскам только половинные порции; они взбунтовались. Пюизе, узнав об этом приказе, отданном без его ведома, отменил его.

Пюизе отличался, помимо мощного ума, несокрушимым упорством: он не пришел в уныние. Он решил отобрать лучших из шуанов, высадить их на берег двумя отрядами, чтобы пройти с ними по местности, лежавшей в тылу у Гоша, поднять вождей, от которых еще не было вестей, и двинуть всех большой массой на лагерь при Сент-Барбе, напав на него с тыла, пока войска с полуострова нападут с фронта. Таким образом, он избавлял себя от шести или восьми тысяч лишних ртов, применяя их даже с пользой, возбуждал охладевшее рвение бретонцев и

готовил новую атаку. Пюизе тщательно отобрал для этой цели 7 тысяч шуанов – 4 тысячи дал Тентеньяку и трем бесстрашным вождям: Кадудалю, Мерсье и д'Аллегре, а 3 тысячи – Жан-Жану и Лантиви. Тентеньяк должен был высадиться при Сарзо, близ устья реки Вилен; Жан-Жан и Лантиви – близ Кемпера. Оба должны были, сделав довольно длинный обход, соединиться в Бо 15 июля (26 мессидора) и зайти утром следующего дня прямо в тыл лагеря при Сент-Барбе.

Перед тем как отправиться, вожди шуанов явились к Пюизе и умоляли его идти с ними, уверяя, что эти изменники англичане его погубят, но он не мог удовлетворить их просьбу. Шуаны отправились и благополучно высадились. Пюизе написал в Лондон, что всё еще можно поправить, но необходимо немедленно прислать съестных и военных припасов, войска и французского принца.

Пока всё это происходило на полуострове, Гош уже собрал в Сент-Барбе от 8 до 10 тысяч человек. Обер-Дюбайе с шербурских берегов переправил к нему войска для охраны севера Бретани. Канкло прислал из Нанта значительное подкрепление под началом генерала Лемуана. Комиссары расстроили все попытки выдать неприятелям Лорьян и Сен-Мало. Следовательно, дела республиканцев поправлялись с каждым днем. Тем временем Леметр и Бротье своими интригами всё еще старались повредить экспедиции. Они поспешили написать в Бретань и заявить, что не одобряют экспедиции; что она имеет опасную цель, так как при ней нет принца; и что они просят, чтобы никто не помогал ей. Везде появились агенты, именем короля приказывавшие не торопиться, в том числе и Шаретту. Согласно своей давнишней системе пользоваться помощью Англии и обманывать ее, они экспромтом придумали новый план. Они хотели нарочно принять участие в интриге, завязанной с целью выдать Сен-Мало Пюизе, призвать туда эмигрантов, крейсировавших на английских судах, и завладеть портом от имени Людовика XVIII, пока Пюизе действовал при Кибероне – может быть, для герцога Йоркского, говорили они. Когда интрига не удалась в Сен-Мало, они перешли в Сен-Бриё, удержали у берега эскадру с эмигрантами и немедленно послали эмиссаров к Тентеньяку и Лантиви с приказанием идти в Сен-Бриё. Их целью было образовать на севере Бретани экспедицию более верную, нежели та, которую затеял Пюизе на юге.

Гош

Тентеньяк благополучно высадился и, взяв несколько республиканских постов, пришел в Эльван. Тут он нашел приказ именем короля отправиться в Коэтлогон, чтобы там получить дальнейшие распоряжения. Тщетно Тентеньяк ссылался на данное ему поручение, на необходимость не расстраивать плана, удаляясь от назначенного места: он кончил тем, что уступил в

надежде посредством форсированного марша опять оказаться в тылу лагеря при Сент-Барбе 16-го числа. Жан-Жан и Лантиви, тоже благополучно высадившись, собирались идти в Бо, когда, со своей стороны, нашли предписание отправиться в Сен-Бриё.

В этот промежуток времени Гош, тревожимый с тыла, был вынужден отделить несколько отрядов, чтобы остановить войска, о приближении которых узнал. Но он оставил в лагере достаточные силы, чтобы дать отпор атаке, если бы таковая последовала. Его беспокоили английские канонирские лодки, которые стреляли по республиканцам, как только те показывались на перешейке, и он рассчитывал покорить эмигрантов почти только голодом.

Пюизе, со своей стороны, готовился к делу, назначенному на 16 июля (28 мессидора). Пятнадцатого числа в бухту вошел еще один отряд флота – те суда, которые ходили к устьям Эльбы за эмигрантскими полками с черными кокардами. Они привезли отряды Сальма, Дама, Беона и Перигора – всего только 11 тысяч человек под началом превосходного офицера де Сомбрёйля. Эта же эскадра привезла новые припасы и известие о скором прибытии трех тысяч англичан, предводительствуемых лордом Грэхемом, а вслед за ними и графа д'Артуа с более значительными силами. Письмо от английского правительства извещало Пюизе, что кадры задержаны у северного берега роялистскими агентами, настаивавшими на выдаче одного из портов. Другая депеша, пришедшая в то же время, разрешила спор между д'Эрвильи и Пюизе безусловно в пользу последнего, которому, кроме того, жаловали титул генерал-лейтенанта английской службы.

Пюизе, как только ему окончательно развязали руки, всё подготовил к завтрашнему делу. Он охотно отложил бы атаку, чтобы дать дивизии Сомбрёйля время высадиться, но так как всё уже было пригнано к 16-му числу, да и Тентеньяку уже назначили тот же день, то медлить было нельзя. Вечером Пюизе приказал Вобану высадиться в Карнаке с 1200 шуанами, чтобы совершить маневр напротив лагеря при Сент-Барбе и соединиться с шуанами, которые планировали напасть на этот лагерь с тыла. Лодки были приготовлены очень поздно, так что Вобан смог двинуться лишь около середины ночи. Ему приказали пустить ракету, если удастся высадиться, и другую, если нельзя будет удержаться на берегу.

Шестнадцатого июля (28 мессидора), на рассвете, Пюизе выдвинулся с полуострова со всеми войсками. Он шел колоннами. Храбрый полк *Royal-Emigrant* шел с артиллеристами впереди, под началом Ротальё, справа шли полки *Royal-Marine* и дю Дрене и шестьсот шуанов под началом герцога Леви. Полк д'Эрвильи и тысяча шуанов под началом шевалье де Сен-Пьера составляли левую колонну. Эти три отряда вместе состояли примерно из четырех тысяч человек. Двигаясь по перешейку, они увидели ракету; второй они уже не видели, поэтому решили, что Вобану всё удалось. Вдруг раздался шум как бы отдаленной ружейной стрельбы.

«Это Тентеньяк! Вперед!» – восклицает Пюизе и начинает трубить атаку. Авангард Гоша стоит перед высотами Сент-Барб. При виде приближающегося неприятеля он подается назад и располагается в линию. Нападающие радостно спешат вперед. Вдруг отряд кавалерии, стоявший развернутым, делает движение и открывает грозные батареи. Эмигрантов встречают ружейный огонь и пушечная пальба; на них сыплются картечь, ядра и гранаты. Справа скошены целые ряды у полков *Royal-Marine* и дю Дрене, но они не колеблются. Герцог Леви тяжело ранен. Слева полк д'Эрвильи молодецки идет под огонь. Между тем стрельбы, послышавшейся за лагерем, теперь уже не слышать: стало быть, Тентеньяк и Вобан не атаковали и нет надежды взять лагерь приступом.

В эту минуту вся республиканская армия, пехота и кавалерия разом выходят из-за своих укреплений. Пюизе, видя, что остается только умереть, предписывает д'Эрвильи приказать отступление правому флангу, между тем как он сам заставит сделать то же левый фланг. Но д'Эрвильи, с величайшей неустрашимостью стоявший под неприятельским огнем, сражен картечной пулей. Он поручает адъютанту передать приказ об отступлении – и адъютанта наповал

убивает ядро. Полк д'Эрвилли, не получив приказа к противному, продолжает идти вперед под страшным огнем – вместе с шевалье де Сен-Пьером и его тысячей шуанов. Слева трубят к отступлению, а справа в атаку. Смятение поистине ужасно.

Тогда республиканская кавалерия бросается на эмигрантскую армию и в беспорядке отесняет ее назад на перешеек. Пушки вязнут в песке и достаются республиканцам. Вся армия, явив чудеса храбрости, наконец бежит к форту Пентьевр, республиканцы гонятся за ней и чуть не врываются в форт вместе с роялистами, но неожиданная помощь выручает последних. Вобан, которому следовало бы быть в Карнаке, оказывается со своими шуанами у самого перешейка, а с ним – коммодор Уоррен, оба на канонирских лодках, с которых они поддерживают жаркий огонь и еще раз спасают злополучную киберонскую армию.

Итак, Тентеньяк не явился вовсе! Вобан, несколько опоздав с высадкой, не смог совершить неожиданного нападения на республиканцев; потом его обманули шуаны: они труслили и побросали свои ружья в воду, чтобы не драться, и ему пришлось отступить к форту. Когда он пустил вторую ракету, было уже так светло, что ее не заметили. Вот каким образом Пюизе, обманутый во всех своих комбинациях, попал в такое бедственное положение. Все полки понесли ужасные потери: из семидесяти двух офицеров полка *Royal-Marine* пятьдесят три были убиты; потери остальных полков исчислялись такими же цифрами.

Надо признаться, что Пюизе с большой опрометчивостью напал на лагерь. Чтобы идти с четырьмя тысячами против десяти, притом пользовавшихся надежными укреплениями, следовало сначала удостовериться в том, что все атаки, подготовленные с флангов и тыла, действительно могут быть исполнены. Недостаточно было назначить отрядам, которым предстояло преодолеть столько препятствий, лишь место соединения, чтобы вполне рассчитывать, что в назначенный час они непременно будут в назначенном месте. Надо было условиться о каком-нибудь сигнале, каком-нибудь средстве для исполнения задуманного плана. В этом отношении Пюизе, хотя его обманул треск отдаленной ружейной стрельбы, поступил недостаточно осторожно. Впрочем, он себя не щадил и в этот день послужил блистательным ответом тем, кто делал вид, будто не уверен в его личной храбрости в отместку за невозможность отказать ему в уме.

Легко понять, почему Тентеньяк не явился. В Эльване он застал приказ отправиться в Коэтлогон, и последовал этому странному приказу в надежде, что наверстает потерянное время форсированным маршем. В Коэтлогоне он обнаружил приказ идти в Сен-Бриё. Это всё были проделки роялистских агентов, которые, говоря именем короля, хотели заставить отряды, отделяемые от армии Пюизе, содействовать задуманной ими контрэкспедиции против Сен-Мало и Сен-Бриё.

Пока офицеры обдумывали этот приказ, на замок Коэтлогон напали отряды, посланные Гошем в погоню за Тентеньяком. Сам Тентеньяк прибежал на место сражения и пал убитый пулей в лоб. Офицер, принявший после него начальство, согласился идти в Сен-Бриё.

Лантиви и Жан-Жан, со своей стороны, высадившись в окрестностях Кемпера, услышали такие же приказы. Вожди заспорили между собой, а солдаты, и без того уже недовольные, просто разошлись. Таким образом, ни один из отрядов, посланных Пюизе, не пришел на назначенное место, а, стало быть, парижская агентура лишила Пюизе офицерских кадров, которые она задержала у северного берега; двух отрядов, которых не пустили в Бо; и наконец, содействия всех местных вождей, которым не велели трогаться с места.

Запертый на полуострове Киберон, Пюизе уже потерял всякую надежду сойти с него. Ему ничего не оставалось, как сесть опять на суда и выяснить, не лучше ли удастся высадка в другом месте на берегу, в Вандее. Большая часть эмигрантов была весьма этим довольна. Имя Шаретта внушало им надежду найти в Вандее великого полководца во главе хорошей армии. Притом Пюизе они предпочли бы любого другого.

Гош тем временем изучал полуостров и искал средства проникнуть на него. Полуостров защищали, во-первых, форт Пентьевр, а затем, с обеих сторон, английские эскадры. Нельзя было и думать причалить к нему на лодках. Взять форт правильной осадой тоже было невозможно, потому что добраться до него можно было только перешейком, а перешеек постоянно обстреливался канонирскими лодками. Республиканцы не могли даже проводить рекогносцировки, не подвергаясь жестокому картечному огню. Только ночной приступ или голод отдали бы полуостров в руки Гоша.

Одно обстоятельство заставило его решиться на приступ, как ни было это опасно. Пленных, почти против воли причисленных к эмигрантским полкам, мог бы удержать разве только успех; теперь же их прямые интересы, не говоря уже о патриотизме, требовали добровольного перехода к победителю, который поступил бы с ними как с дезертирами, если бы взял их с оружием в руках. Пленные толпами уходили по ночам в лагерь Гоша и уверяли его, что единственно затем дали себя завербовать, чтобы выйти из казематов или не попасть туда. Они же и указали ему средство проникнуть на полуостров.

Слева от форта стоял утес; если войти в воду по грудь, можно было обойти его и выйти на тропинку, которая вела на самый верх форта. Перебежчики обещали от имени своих товарищей, еще составлявших часть гарнизона, помочь отворить ворота.

Гош не колебался. Он составил план по полученным указаниям и решил завладеть полуостровом, чтобы накрыть всю экспедицию прежде, чем она успеет опять сесть на суда. Впрочем, 20 июля (2 термидора) небо было мрачным; Пюизе и Вобан разослали патрули для предотвращения ночного приступа. Всё, казалось, утихло, и оба военачальника спокойно легли спать.

А в республиканском лагере тем временем были сделаны все приготовления. Около полуночи Гош двинулся вперед. Небо было покрыто темными тучами; сильный ветер вздымал волны и глухим ревом покрывал шум, создаваемый продвижением войск. Гош распределил солдат колоннами на перешейке, придал триста гренадеров молодому генерал-адъютанту Менажу, республиканцу истинно геройской храбрости, приказал ему с гренадерами развернуть направо, войти в воду, обойти утес, на котором стоял форт, подняться по тропинке и постараться войти внутрь. Сделав эти распоряжения, Гош повел людей дальше в глубоком молчании.

Патрули, одетые в красные мундиры убитых после сражения солдат и получившие от перебежчиков пароль, обманывают передовые караулы и приближаются незамеченными. Менаж входит в море со своими тремястами гренадерами, и шум ветра заглушает их передвижение. Некоторые падают и опять встают, других поглощает пучина. Наконец, пробираясь от утеса к утесу, они выходят на тропинку и поднимаются по ней. Между тем Гош со своими войсками подходит к самым стенам. Но вдруг караульные узнают одного из передовых, а тотчас затем замечают длинную движущуюся тень – и стреляют. Тревога поднята. Тулонские артиллеристы бросаются к своим пушкам и сыпят картечью. Войска Гоша приходят в беспорядок и готовы бежать. Но в эту минуту Менаж добирается до зубчатых стен форта; солдаты, сообщники республиканцев, выбегают на стены, протягивают товарищам приклады ружей и помогают залезть. Потом они все вместе кидаются на гарнизон, убивают всех, кто оказывает сопротивление, и поднимают трехцветное знамя.

Гош ни минуты не поколеблен беспорядком, причиненным его колоннам свирепостью неприятельских батарей. Он сам подходит к каждому офицеру, каждого возвращает назад на его место и приводит всю армию в прежний порядок под этим страшным огненным дождем. Ночная темень между тем начинает редеть – и Гош видит республиканское знамя над фортом. «Как! – обращается он к своим солдатам. – Вы отступаете, когда ваши товарищи водрузили свое знамя на неприятельских стенах!» Он увлекает их за собою к передовым укреплениям, где стоит часть шуанов; его войска врываются туда со всех концов, и вот наконец форт взят. В эту минуту Пюизе и Вобан, разбуженные стрельбой, спешат на место катастрофы – но уже поздно.

Они видят только, как бегут беспорядочной толпой шуаны, офицеры, брошенные солдатами, и остатки гарнизона.

Гош не останавливается на взятии форта. Он собирает часть своих колонн и проникает на полуостров прежде, чем экспедиционная армия успевает спастись на суда. Пюизе, Вобан и все вожди тоже уходят вглубь полуострова, так как там еще стоят части полков д'Эрвильи, дю Дрене, *Royal-Marine* и *Royal-Emigrant* и отряд Сомбрёйля, всего два дня как высадившийся и состоящий из 1100 человек. Если выбрать хорошую позицию – а полуостров таких представляет немало – и занять ее с еще оставшимися тремя тысячами регулярных войск, то у эскадры есть возможность принять злосчастных эмигрантов. Их прикрывает, пока они садятся на корабли, огонь с канонирских лодок, но головы у всех идут кругом: шуаны кидаются в море со своими семействами, чтобы успеть разместиться на нескольких рыбацких лодках у берега и в них доплыть до эскадры, которую дурная погода держит на большом отдалении.

Войска мечутся, разбросанные по полуострову, не зная, куда идти. Д'Эрвильи, способный энергично защищать позицию и отлично знающий местность, лежит смертельно раненый. Сомбрёйль, заместивший его, местности не знает, не знает, куда отступить, на что опереться, и поэтому, несмотря на всю личную храбрость, теряет необходимое присутствие духа.

Пюизе присоединяется к нему и указывает позицию. Сомбрёйль спрашивает, послал ли он сообщить эскадре, чтобы она подошла ближе? Пюизе отвечает, что послал лоцмана, искусного и преданного. Но погода остается бурной, лоцман, по мнению несчастных, которым грозит потопление, слишком медлит, а республиканские колонны приближаются. Сомбрёйль настаивает вновь. Пюизе соглашается отправиться сам, хотя это поручение лучше было бы дать другому. Одно заставляет его решиться: необходимость спасти свою переписку, которая скомпрометировала бы всю Бретань, если бы попала в руки республиканцев. Без сомнения, было столь же важно спасти эту переписку, как и саму армию, но Пюизе мог бы послать ее на корабль с другим, а не идти сам. Он отправляется и всходит на корабль коммодора в одно время с посланным им лоцманом.

Отдаление, темнота, непогода стали причиной того, что с эскадры не увидели разгрома. Храбрый адмирал Уоррен, который во всё время экспедиции помогал эмигрантам всеми средствами, распустил паруса и наконец подошел к берегу на расстояние пушечного выстрела в ту самую минуту, когда Гош во главе семисот гренадеров начал так теснить войска Сомбрёйля, что они готовы были попятиться в море. Какое зрелище представлял в это мгновение злополучный берег! Бушующее море едва позволяло лодкам причалить; множество шуанов и беглых солдат входили в воду по шею, чтобы вброд добраться до лодок, и многие при этом тонули; тысяча несчастных эмигрантов, поставленных между морем и штыками республиканцев, вынуждены были броситься либо в воду, либо на эти штыки, и столько же терпели от огня с эскадры, сколько сами республиканцы. Пришло несколько лодок, но к другому пункту, а тут оставалась только одна шхуна, которая, впрочем, поддерживала такой свирепый огонь, что заставила республиканцев остановиться.

Говорят, будто несколько гренадеров стали кричать эмигрантам: «Сдайтесь! Вам ничего не грозит!» Эти слова пробежали по рядам. Сомбрёйль хотел подойти, чтобы вступить в переговоры с генералом Юмбером, но огонь не подпускал его. Тогда один из эмигрантов, офицер, бросился вплавать, чтобы передать эскадре приказ прекратить огонь. Гош не хотел капитуляции. Он слишком хорошо знал законы против эмигрантов, чтобы договариваться о каких-либо обязательствах, и не желал обещать того, что был не в состоянии исполнить. Он заверял в письме, обнародованном позже во всей Европе, что не слышал ни одного из обещаний, приписываемых генералу Юмберу, и никого не уполномочил бы давать такие обещания. Некоторые из его солдат могли крикнуть: «Сдавайтесь!», но он точно ничего не предлагал и ничего не обещал. Он только вышел из рядов, и эмигранты, которым не оставалось иного выбора, как только сдаться или дать себя убить, понадеялись, что с ними, может быть, будет поступлено как

с вандейцами, – и сложили оружие. Никакой капитуляции, даже словесной, не было. Вобан, который был тут же, признавал, что не существовало никакого договора, и даже Сомбрёйлю посоветовал не сдаваться на основании такой смутной надежды, какую могли подать крики нескольких солдат.

Многие эмигранты пронзили себя собственными шпагами; другие бросились в воду и поплыли к лодкам. Коммодор Уоррен приложил все старания, чтобы преодолеть препятствия, представляемые морем, и спасти как можно больше этих несчастливцев. Многие из них, при виде подходивших шлюпок, входили в море по шею: тогда с берега стреляли по их головам. Иногда они бросались к переполненным уже лодкам, и сидевшие в них, опасаясь, чтобы лодки не потопили, саблями отрубали несчастным руки.

Отвернемся от этих ужасов – то была страшная кара за великую вину. Не одна причина способствовала провалу этой экспедиции. Во-первых, зачинщики слишком понадеялись на Бретань. Народ, в самом деле склонный к восстанию, вспыхивает разом, как вандейцы в мае 1793 года; сам ищет вождей, умоляет их, силой заставляет стать во главе. А не ждет, чтобы его организовали, и не терпит угнетения два года, чтобы восстать, когда угнетение уже прекратилось. А будь у них и больше желания, такой хозяин края, как Гош, не дал бы этому желанию проявиться. Следовательно, Пюизе увлекался иллюзиями.

Однако из этого народа можно было бы извлечь силы, отыскать в его недрах многих людей, готовых драться, если бы значительная часть экспедиции прошла прямо в Ренн, прогоняя перед собой армию, стеснявшую край. Для этого требовалось согласие между вождями и Пюизе, между Пюизе и парижской агентурой: чтобы предводителям шуанов не присылались предписания самого противоположного содержания; чтобы эмигранты лучше поняли войну, которую собирались вести, и не так жестоко презирали поселян, жертвовавших собою для них же; чтобы англичане больше доверяли Пюизе, не приставляли к нему другого начальника, выдали ему разом все средства, какие назначили раньше, и не раздробляли сил экспедиции; но, прежде всего, во главе экспедиции нужен был славный принц – пусть даже и не славный, только бы он первым ступил на берег. Перед его появлением рассеялись бы все препятствия. Вид принца пробудил бы весь энтузиазм края, все подчинились бы его воле, все содействовали бы предприятию. Гоша тогда можно было бы окружить со всех сторон и, несмотря на талант и энергию, ему пришлось бы отступить.

Конечно, за ним оставались еще доблестные армии, победившие Европу, но Австрия могла задать им дел на Рейне, и армии лишились бы возможности отделять от себя большие отряды. Правительство же не имело более энергии великого комитета, и революции начала бы угрожать большая опасность. Будь она низвергнута двадцатью годами ранее, ее благодеяния не имели бы времени упрочиться; неслыханные усилия, бессмертные победы, потоки крови – всё осталось бы бесплодным; а если бы и не удалось горсти проходимцев покорить храбрую нацию, они бы по крайней мере подвергли опасности ее возрождение, сами не потеряли бы своего дела, почти не постояв за него, и энергией обогородили бы собственные притязания.

Неугомонные крикуны, из которых состояла роялистская партия, конечно, всё свалили на Пюизе и Англию. Послушать их, так Пюизе оказывался изменником, продавшимся Питту, чтобы повторить тулонские сцены. Между тем не подлежало сомнению, что Пюизе сделал всё, что мог.

Нелепо было также предполагать, чтобы Англия могла хотеть неудачи: собственные ее предосторожности относительно Пюизе; заботливость, с какою она сама выбрала д'Эрвилли, чтобы не пришлось слишком рисковать эмигрантскими отрядами; наконец, усердие, с каким коммодор Уоррен спасал несчастных, оставшихся на полуострове, – всё это доказывает, что Англия не замышляла гнусного и подлого злодеяния, в котором ее обвиняли. Будем справедливы ко всем, даже к непримиримым врагам нашей революции и нашего отечества.

Коммодор Уоррен высадил на остров Уайт жалкие остатки экспедиции. Там он решил ждать дальнейших приказаний и прибытия графа д'Артуа на корабле «Лорд Мойра», чтобы выяснить, что делать дальше. Отчаяние воцарилось на этом островке: эмигранты, шуаны, в страшной нужде, притом страдающие от эпидемии, ругали друг друга и Пюизе. Отчаяние было еще ужаснее в Оре и Ванне, куда доставили тысячу эмигрантов, взятых с оружием в руках. Гош, победив их, избавил себя от этого печального зрелища, отправившись в погоню за отрядом Тентеньяка. Участь пленных более его не касалась: что мог он для них сделать? Законы существовали, и он не мог их отменить. Он передал дело Комитету общественного спасения и Тальену.

Тальен тотчас же уехал и прибыл в Париж накануне годовщины 9 термидора. В день годовщины хотели праздновать в самом Конвенте падение Робеспьера. Собрались депутаты в парадных костюмах, большой оркестр исполнял патриотические пьесы; хор пел гимны Шенье. Куртуа прочел доклад о 9 термидора, а Тальен после него сделал доклад о киберонском деле. В словах Тальена отметили намерение обеспечить себе двойное торжество; но собрание с живостью рукоплескало его услугам, прошлогодним и нынешним.

В тот же день у Тальена был устроен банкет; там жирондисты встретились с термидорианцами: между ними были Луве и Ланжюине. Ланжюине предложил тост в честь 9 термидора и мужественных депутатов, сразивших тиранию. Тальен ответил тостом в честь семидесяти трех и двадцати двух, павших жертвами террора. К этому тосту Луве присовокупил следующие слова: «И в честь их тесного союза с людьми 9 термидора».

В самом деле, все они чрезвычайно нуждались в согласии, чтобы общими силами побороть противников всякого рода, восставших против Республики. Радость была огромной, особенно при мысли о том, какие грозили бы опасности, если бы западной экспедиции удалось встретиться с той, которую принц Конде подготовил на востоке.

Следовало решить участь пленных. За них в комитеты поступало много ходатайств, но при настоящем положении дел спасти их не было никакой возможности. Республиканцы говорили, что правительство хочет вернуть эмигрантов и возратить им их имущество, следовательно, восстановить монархию. Роялисты, всегда грешившие излишней самоуверенностью, утверждали то же самое: они заявляли, что делами управляют их друзья, и дерзость их росла соразмерно надеждам. Выказать малейшую снисходительность в настоящем случае значило оправдать опасения одних и сумасбродные надежды других, довести республиканцев до отчаяния, а роялистов поощрить к самым смелым попыткам. Комитет общественного спасения приказал поступать по закону: депутаты сознавали невозможность поступить иначе.

В Ванне снарядили комиссию, чтобы развести пленных, завербованных против их воли, и настоящих эмигрантов. Последних тут же расстреляли. Солдаты помогли, кому успели. Погибло много славных людей, но они не должны были удивляться своей участи после того, как пошли войной на свое отечество и были взяты с оружием в руках. Если бы Республике менее грозили всевозможные опасности и в особенности их же сообщники, она могла бы помиловать заговорщиков, но в том положении – никогда.

Сомбрёйль, хотя и был вообще храбрым офицером, перед смертью уступил порыву, недостойному благородного человека: он написал письмо коммодору Уоррену, в котором обвинял Пюизе с неистовством отчаяния. Он поручил Гошу доставить это письмо коммодору. Гош, хоть и знал, что в письме заключаются ложные сведения, однако уважил волю умирающего и отправил письмо, только ответив на него тут же письмом, в котором опроверг слова Сомбрёйля. «Я сам, – писал он, – был во главе семисот гренадеров Юмбера и заверяю, что никакой капитуляции не происходило». Все современники, знавшие характер молодого генерала, считали его неспособным солгать. Притом его заверение подтверждается очевидцами. Письмо Сомбрёйля сильно повредило эмиграции и Пюизе и было признано столь мало делающим чести памяти

автора, что нашлись люди, которые уверяли, будто оно было нарочно вымышлено республиканцами, – обвинение вполне достойное жалких небылиц, которые постоянно плели эмигранты.

Пока роялистская партия терпела такое жестокое поражение на Кибероне, ей готовили другое такое же в Испании. Монсей опять вступил в Бискайю, взял Бильбао и Виторию и сильно теснил Памплону. Фаворит, управлявший двором, не допустивший мирных предложений, сделанных правительством в начале кампаний, потому что не он был выбран посредником, решился наконец вступить в переговоры и послал в Базель кавалера Ириарте. Мир был подписан с послом Республики Бартелеми в Базеле 12 июля (24 мессидора), в то самое время, когда происходил разгром на Кибероне. Условия мира были следующие: возвращение Францией Испании всего, что она завоевала, и, в вознаграждение, уступка испанской части острова Сан-Доминго. Франция этим уступала довольно много за крайне сомнительную выгоду, потому что Сан-Доминго уже никому не принадлежал. Но этих уступок требовала разумная политика. Франция не могла ничего желать за Пиренеями; она не имела никакого интереса ослаблять Испанию и должна была бы, напротив, возратить по возможности этой державе силы, утраченные в борьбе, предпринятой против интересов обеих наций.

Киберон

Этот мир был встречен искреннейшей радостью каждым, кто любил Францию и республику. Еще одна держава откололась от коалиции; один из Бурбонов признал Республику; две армии освободились и могли быть перенесены на Альпы, на запад и на Рейн. Роялисты были в отчаянии. Парижские агенты в особенности боялись, чтобы не обнаружились их интриги, то есть чтобы испанское правительство не сообщило французскому содержания их писем. Англия узнала бы тогда всё, что о ней говорилось, и, хотя эту державу вслух ругали за киберонское дело, однако это отныне была единственная держава, которая давала деньги: надо было щадить ее, обманув после, если это будет возможно.

Другую победу, не менее важную, одержали армии Журдана и Пишегрю. После многих промедлений наконец решили перейти Рейн. Французская и австрийская армии стояли одна против другой на обоих берегах реки, от Базеля до Дюссельдорфа. Оборонительное положение австрийцев сделалось превосходным: крепости Дюссельдорф и Эренбрайтштайн прикрывали их правый фланг; Майнц, Мангейм, Филипсбург – центр и левый фланг; реки Неккар и Майн, имея истоки невдалеке от Дуная и протекая почти параллельно Рейну, образовали две важные линии сообщения между наследственными имперскими землями и прикрывали оба фланга армии, которая решила бы действовать против Майнца с нескольких пунктов.

План действий на таком поле битвы один и тот же для австрийцев и для французов: и те и другие (по мнению одного великого полководца и знаменитого критика) будут стре-

миться действовать концентрически между Неккаром и Майном. Французские армии Журдана и Пишегрю должны были бы стараться перейти Рейн близ Майнца, недалеко друг от друга, потом соединиться в долине Майна, отрезать Клерфэ от Вурмзера и подняться вверх по течению между Неккаром и Майном, стараясь разбить поочередно обоих австрийских военачальников. Точно так австрийцы должны были стараться сосредоточиться, чтобы выйти через Майнц на левый берег. Если бы неприятель предупредил их и перешел Рейн, им следовало сосредоточиться между Неккаром и Майном, помешать соединению французских армий и воспользоваться удобной минутой, чтобы напасть на них. Австрийские генералы обладали всеми преимуществами для проявления инициативы, потому что занимали Майнц и могли выйти на левый берег, когда им будет угодно.

Французы проявили инициативу первыми. После долгих промедлений голландские барки наконец дошли до высот Дюссельдорфа, и Журдан приготовился перейти Рейн. Шестого сентября (20 фрюктидора) он перешел реку при Эйхелькампе, Дюссельдорфе и Нойвиде очень смелым маневром: пошел по дороге из Дюссельдорфа во Франкфурт, между прусской нейтральной линией и Рейном, и подошел к реке Лан 20 сентября. В то же время Пишегрю получил предписание постараться перейти Верхний Рейн и потребовать сдачи Мангейма. Чтобы спастись от бомбардировки, этот цветущий город сдался также 20 сентября.

С этой минуты все выгоды были на стороне французов. Пишегрю, имея базой Мангейм, собирался привлечь туда всю свою армию и соединиться с Журданом в долине Майна. Тогда можно было бы разлучить австрийских генералов и действовать концентрически между Майном и Неккаром. Особенно важно было вытащить Журдана с позиции, занятой им между Рейном и нейтральной линией, потому что его армия, не обладая нужными транспортными средствами для перевозки припасов и не имея права поступать с краем как с неприятельским, весьма скоро должна была ощутить недостаток в самом необходимом, если не пойдет вперед.

Итак, в этот момент победа везде улыбалась Республике. Мир с Испанией, истребление английской экспедиции, переход через Рейн, удачные наступательные действия в Германии – ей удавалось всё. Делом ее полководцев и правительства было теперь воспользоваться столькими счастливыми событиями.

Глава XLV

Происки роялистской партии в секциях – Возвращение эмигрантов и гонения на патриотов – Конституция, учреждающая Директорию – Восстание парижских секций против фрюктидорских декретов и Конвента – 13 вандемьера – Закрытие Национального конвента

Разбитой на границах, оставленной испанским двором, на который она более всего рассчитывала, роялистской партии оставалось только одно – интриговать во Франции. И надо признать, Париж в то время представлял собой обширное поле для интриг. Момент, когда Конвент должен был сложить с себя власть, а Франции предстояло выбрать новых представителей, был самым удобным для контрреволюционных происков.

Свирепые страсти кипели в парижских секциях. Там не было роялистов, но секции служили роялизму, сами того не зная. Большинство секций задалось мыслью противодействовать сторонникам террора, разгорячились от борьбы, требовали гонений и сердились на Конвент, который не хотел заводить дела слишком далеко. Люди каждую минуту вспоминали, что террор вышел из недр Конвента, поэтому требовали у депутатов конституции, законов и конца долгой диктатуры. Большая часть людей, требовавших всего этого, нимало не помышляла о Бурбонах. Это были: богатое третье сословие 1789 года, негоцианты, домовладельцы, адвокаты, писатели, которые хотели наконец добиться твердых законов и пользоваться своими правами; молодые люди, искренне преданные Республике, но ослепленные страстной ненавистью к революционной системе; честолюбцы, газетные писаки или секционные ораторы, которые стремились к высшим чинам и богатству.

Роялисты скрывались за этой публикой. Между ними насчитывалось несколько эмигрантов, несколько возвратившихся священников и слуг бывшего двора, лишившихся мест, наконец, множество людей равнодушных и трусов, которые боялись свободы. Трусы не ходили на заседания секций, но эмигранты бывали там постоянно и вели агитацию всеми способами. Инструкции, данные роялистскими агентами своим доверенным лицам, заключались в том, чтобы говорить языком секций и требовать того же, то есть наказания сторонников террора, довершения конституции, суда над монтаньярами, но требовать всего этого с большим неистовством, чтобы скомпрометировать секции перед Конвентом и вызвать новые волнения, потому что каждый бунт давал шансы и вызывал большее отвращение к беспутной Республике.

К счастью, подобные происки возникали только в Париже, потому что это всегда был самый беспокойный город; город, где с наибольшим жаром шли споры об общественных интересах; где каждый выражал свои претензии и желал влиять на правительство; где всегда началась всякая оппозиция. Кроме Лиона, Марселя и Тулона, где происходила взаимная резня, остальная Франция принимала во всех этих политических дразгах несравненно меньше участия, нежели парижские секции.

Ко всему, что они говорили в секциях, сами или через сторонников, интриганы, служившие роялизму, присовокупляли брошюры и газетные статьи. Они лгали, придавая себе значимость, которой не имели, и писали за границу, что подкупили или ублажили главных членов правительства. Этой ложью они добывали денег: так у Англии выпросили несколько тысяч фунтов. Достоверно, впрочем, что хотя роялисты не смогли подкупить ни Тальена, ни Гоша, как они хвастались, однако им удалось проделать это с несколькими членами Конвента – двумя или тремя, не более. В пример приводились Ровер и Саладен, бывшие пылкими революционерами, а теперь сделавшиеся не менее пылкими реакционерами.

Полагают также, что роялистским агентам удалось тронуть более деликатными средствами некоторых депутатов, державшихся в своих мнениях середины, которые чувствовали

склонность к представительной монархии, то есть к Бурбону, связанному английскими законами. Некоторым законодателям можно было сказать: Франция слишком обширна, чтобы быть республикой; ей жилось бы гораздо лучше с королем, ответственными министрами и наследственными представителями. Эта мысль даже сама по себе, без посторонних внушений, должна была прийти в голову не одному важному лицу, особенно из тех, кто сами годились бы в наследственные пары. В то время тайными роялистами считались Ланжюине, Буасси д'Англа, Анри Ларивьер и Лесаж, депутат департамента Эры и Луары.

Ясно, что агентура располагала не слишком могучими средствами, но и этих было довольно, чтобы смущать общественный покой, тревожить умы, а главное – напоминать французам о Бурбонах, единственных врагах Республики; о врагах, которых оружие победить не могло, потому что воспоминаний штыками не истребишь.

В числе так называемых семидесяти трех имелся не один монархист; но по большей части они были республиканцами; жирондистами – все или почти все. Однако газеты, служившие контрреволюции, с аффектацией восхваляли их, чем успели вызвать подозрения термидорианцев. Чтобы защитить себя от таких похвал, семьдесят три и двадцать два горячо заверяли в своей преданности Республике. Да и кто бы посмел холодно отзываться о ней! Следовало ее любить, или по крайней мере говорить, что любишь! Однако, невзирая на все заверения, термидорианцы были настороже, они рассчитывали только на Дону, зная его честность и строгие правила, и на Луве, пылкая душа которого осталась неизменно верна Республике. Потеряв стольких славных друзей, пройдя столькими опасностями, Луве не представлял, что все это может пропасть даром, что столько прекрасных голов слетело только для того, чтобы всё опять кончилось монархией; он всецело примкнул к термидорианцам. Термидорианцы же сами с каждым днем всё больше сближались с монтаньярами, с этой толпой непоколебимых республиканцев, порядочное число которых, однако, уже было принесено в жертву.

Они прежде всего хотели вызвать меры против возвращения эмигрантов, которые продолжали появляться толпами, одни – с фальшивыми паспортами и под вымышленными именами, другие – чтобы ходатайствовать об исключении их имен из списков эмигрантов. Почти все представляли фальшивые свидетельства о месте жительства, уверяли, будто не выезжали из Франции, а скрывались или подвергались преследованиям только по случаю событий 31 мая. Под предлогом ходатайства в Комитет общественной безопасности они наводняли Париж и способствовали волнениям в секциях.

В числе лиц, возвратившихся в столицу, особенно заметна была госпожа де Сталь, приехавшая во Францию со своим мужем, шведским посланником. Она открыла салон, который вполне удовлетворял ее потребности щеголять своими блистательными способностями. Республика была далеко не противна ее смелому уму, но госпожа де Сталь примирилась бы с нею лишь в том случае, если бы начали блистать ее изгнанные друзья и исчезли все эти революционеры, слывшие за людей энергичных, но грубых и лишенных остроумия. Из их рук, пожалуй, не прочь были принять спасенную республику, но только с тем, чтобы скорее исключить их из правительства и согнать с кафедр.

Известные или высокопоставленные иностранцы, посланники держав и ораторы, славившиеся своим умом, – все собирались у госпожи де Сталь. Теперь уже не салон Терезы Тальен, а ее салон привлекал общее внимание, и этим можно было измерить всю громадность перемен, происшедших во французском обществе за последние полгода. Говорили, что госпожа де Сталь ходатайствовала за эмигрантов и хлопотала о возвращении Нарбонна и других. Лежандр официально обвинил ее в этом.

Газеты жаловались на влияние, которое получили кружки, образовавшиеся вокруг посланников иностранных держав, а республиканцы требовали, чтобы имена просителей пока не вычеркивались из списков эмигрантов. Термидорианцы, кроме того, предложили декрет, постановлявший, чтобы каждый эмигрант, возвратившийся для ходатайства, отправился в

свою общину и там ждал решения Комитета общественной безопасности. Этой мерой надеялись очистить столицу от толпы интриганов, волновавших ее.

Термидорианцы в то же время стремились прекратить преследования, начатые против патриотов. Они заставили Комитет общественной безопасности освободить Паша, Бушотта, пресловутого Герона и многих других. Надо признаться, что они могли бы сделать лучший выбор и отдать справедливость патриотам в лице кого-нибудь другого, а не Герона. Секции уже подавали прошения по этому поводу и стали подавать еще новые. Комитеты отвечали, что следовало бы наконец судить арестованных патриотов, а не держать их дольше, если они невинны. Предлагать суд над ними значило предлагать их освобождение, потому что провинности их по большей части были политическими, по самому свойству своему неподсудными. За исключением нескольких членов революционных комитетов, отличившихся ужасными жестокостями, большую часть нельзя было осудить.

Некоторые секции просили разрешить им постоянные заседания в течение нескольких дней, чтобы заняться вотированием арестов; они объясняли, что в первую минуту не могли ни отыскивать доказательства, ни приводить причины, но теперь вызывались представить и те и другие. Эти просьбы, маскировавшие желание свободно собираться и добиться права постоянных заседаний, были оставлены без внимания, и Конвент потребовал от комитетов решения о суде над задержанными патриотами.

По этому поводу возник жаркий спор. Одни хотели, чтобы патриотов судили департаментские суды, другие, не доверяя местным страстям, требовали снаряжения комиссии из двенадцати членов для разбора, то есть определения, кого освободить, а кого судить уголовным судом. Они говорили, что такая комиссия, будучи непричастна к злобе, накопившейся в департаментах, разберет дело справедливее и не смешает патриотов, скомпрометированных от избытка рвения, с теми преступниками, которые принимали деятельное участие в жестокостях тирании. Всех врагов арестованных возмутила мысль о такой комиссии: они предчувствовали, что комиссия будет поступать так же, как Комитет общественной безопасности по обновлении его после 9 термидора, то есть выпускать заключенных оптом, и спрашивали, каким образом комиссия из двенадцати человек сможет рассмотреть от двадцати до двадцати пяти тысяч дел? Им отвечали, что комиссия справится не хуже комитета, разобравшего до ста тысяч дел во время открытия тюрем. Но именно этого-то способа суда и не хотели допускать враги патриотов.

После прений, продолжавшихся несколько дней и прерываемых только петициями одна смелее другой, наконец решили, что патриотов будут судить департаментские суды, и декрет об этом был отослан комитетам для изменения некоторых второстепенных постановлений. Следовало также согласиться на продолжение доклада о депутатах, скомпрометировавших себя в бытность свою комиссарами. Приняли постановление об аресте Лекинио, Лано, Лефью, Дюпена, Бо, Пьорри, Максимо, Шодрона-Руссо, Лапланша и Фуше и приступили к процессу Лебона. В это время сидело в тюрьмах столько же бывших членов Конвента, сколько и во время террора. Следовательно, сторонники милосердия не отставали от других и за зло платили злом же.

Конституция была внесена комиссией одиннадцати. Она обсуждалась в течение трех месяцев и была принята по статьям, с немногими изменениями. Комиссия, выработавшая ее, состояла из следующих членов: Лесаж, Дону, Буасси д'Англа, Крезе-Латуш, Берлье, Луве, Ланжюине, Ларевельер-Лепо, Дюран де Майян, Боден, Арденн, и Тибодо. Сийес не захотел стать членом этой комиссии, потому что по части конституции он был еще более непреклонен, нежели в любом другом вопросе. Разные конституции были предметом размышлений всей его жизни, этот вопрос составлял его специальность, его призвание. У Сийеса в голове имелась конституция совсем готовая, и не такой он был человек, чтобы пожертвовать ею. Он предло-

жил ее прямо, от своего имени, без посредства комитета. Собрание из уважения к этому великому уму согласилось выслушать Сийеса, но проект его не приняло. Проект снова появится на сцене несколько позже, и мы будем иметь случай познакомиться с этим замечательным произведением человеческого гения.

Конституция, которая была принята, соответствовала состоянию умов. В 1791 году люди были так неопытны и благодушны, что не могли представить себе существования особого собрания, контролирующего волю национального представительства, однако допустили и сохранили с благоговением, почти с любовью, королевскую власть. Стоило, однако, только подумать лучше, чтобы убедиться, что аристократические собрания имеются везде, во всех странах, и даже особенно полезны в республиках; что большое государство еще может обойтись без короля, но никак не без сената.

В 1795 году французы успели насмотреться, каким беспорядкам подвержено собрание, когда оно единственное, и согласились на учреждение законодательного корпуса, разделенного на два собрания. В это время раздражение против аристократии было меньшим, нежели против королевской власти, потому что последней боялись больше, и приложили все старания к тому, чтобы оберечь себя от этого врага при составлении новой исполнительной власти.

В комиссии была представлена и монархическая партия в лице Лесажа, Ланжтоине, Дюрана деМайяна и Буасси д'Англа. Эта партия предложила президента, но на такое предложение согласия не дали. «Так выберут еще, пожалуй, кого-нибудь из Бурбонов», – заявил Луве. Боден, депутат Арденн, и Дону предложили двух консулов, кто-то – трех. Предпочтение было отдано пяти директорам, которые решали бы дела большинством голосов. Этой исполнительной власти не были даны самые существенные атрибуты монархической власти: неприкосновенность, право утверждать законы, судебная власть, право объявлять войну и заключать мир. Директора должны были пользоваться лишь такой же неприкосновенностью, как и все депутаты, обнародовать и исполнять законы, руководить войной, но не объявлять ее, вести переговоры, но не ратифицировать мирные договоры.

Таковы были основы директориальной конституции. Согласно с ними постановили следующее:

1) учредить совет из пятисот членов, имеющих не менее тридцати лет от роду (Совет пятисот), с тем чтобы этот совет один мог предлагать новые законы и обновлялся по третям каждый год;

2) учредить Совет старейшин из двухсот пятидесяти членов, имеющих не менее сорока лет от роду, непременно или женатых, или вдовых, – с правом утверждать законы и обязанностью тоже обновляться каждый год по третям;

3) наконец, учредить исполнительную Директорию из пяти членов, решающую дела большинством голосов, с тем чтобы каждый год выбывало по одному члену.

Директория должна была назначать ответственных министров; обнародовать законы и наблюдать за их исполнением; располагать морскими и сухопутными силами; заведовать сношениями с иностранными державами, с правом давать отпор первым неприятельским военным действиям, но не объявлять и не вести войны без согласия законодателей; вести переговоры и представлять мирные договоры для ратификации законодателям, за исключением секретных условий, которые Директории дозволялось заключать самовластно, лишь бы только этими условиями не уничтожались гласные статьи договоров.

Назначались эти представители народной власти следующим порядком. Все граждане, достигшие двадцати одного года, собирались по своему неотъемлемому праву и составляли первичные собрания, которые сходились каждой год, 1 прериаля, и избирали членов избирательных собраний. Избирательные собрания сходились каждый год, 20-го числа того же месяца, и избирали членов обоих советов. Оба совета, наконец, назначали Директорию.

Последнее распоряжение приняли на том основании, что исполнительная власть, назначенная властью законодательной, будет находиться в большей от нее зависимости; кроме того, так как республика еще не вошла у французов в привычку и была скорее следствием убеждений людей просвещенных или скомпрометированных во время революции, нежели общей потребностью, то не считалось благоразумным предоставлять назначение исполнительной власти народу. Конвент полагал, что авторы революции непременно будут преобладать в законодательном корпусе, особенно в первые годы, и, естественно, станут выбирать директоров, способных защищать их творение.

Судебную власть вверили избираемым судьям. Были учреждены и мировые судьи. В каждом департаменте учредили также гражданский суд, который вел в первой инстанции дела, возникшие в данном департаменте, и принимал апелляции по делам, судившимся в соседних департаментах. Наконец, был учрежден уголовный суд из пяти членов с присяжными.

Общинные собрания устранили; вместо них назначили муниципальные и департаментские администрации из трех, пяти или большего числа членов, в зависимости от размеров местного населения; администрации эти должны были избираться. Опыт заставил принять некоторые дополнительные, весьма важные распоряжения. Так законодательные органы сами должны были назначать место своего пребывания и могли перебираться в ту общину, в какую им заблагорассудится. Ни один закон не мог быть приведен в исполнение без предварительных чтений или только в случае, если он назывался неотложной мерой и был признан таковою Советом старейшин. Этим предотвращались опрометчивые и беспрестанно отменяемые решения, каких Конвент принимал так много.

Наконец, воспрещались общества, именующие себя народными, проводившие публичные заседания, имевшие бюро, трибуны, разветвления. Печати предоставляли полную свободу. Эмигранты навеки изгонялись из страны; национальные имущества бесповоротно укреплялись за покупателями; все вероисповедания объявились свободными, хотя ни одно не признавалось государственным и не получало от государства содержания.

Такова, в общих чертах, конституция, с помощью которой Конвент надеялся сохранить во Франции республику. Возникал важный вопрос. Учредительное собрание, чтобы похвалиться своим бескорыстием, исключило себя из нового законодательного корпуса: поступить ли также и Национальному конвенту? Такое решение, нужно признаться, стало бы великой неосторожностью. У народа, который, четырнадцать веков прожив с монархией, низвергнул ее в минутном восторженном порыве, республика была еще не настолько популярна, чтобы можно было предоставить ее упрочение естественному течению дел. Революция нуждалась в поддержке людей, устроивших ее. Конвент по большей части состоял из членов прежних собраний; в него входили и разрушившие старые феодальные порядки 14 июля и 4 августа 1789 года; и низвергнувшие престол 10 августа; и убившие 21 января главу династии Бурбонов, а потом в течение трех лет ценой нечеловеческих усилий отстаивавшие свое творение против всей Европы. Эти люди одни могли надежно защитить Революцию, которую окончательно освятила конституция, учреждающая Директорию.

Поэтому, не прибегая к фальшивому бескорыстию, 22 августа (5 фрюктидора) декретом постановили, что в состав нового законодательного корпуса войдут две трети Конвента и избираться будет лишь одна треть членов. Теперь вопрос заключался в том, сам ли Конвент назначит, кто из его членов остается, или предоставит это избирательным собраниям. После бурных прений 30 августа (13 фрюктидора) решили, что выбор этот будет предоставлен избирательным собраниям. Постановили созвать первичные собрания на 6 сентября (20 фрюктидора), чтобы они приняли и утвердили декреты 5 и 13 фрюктидора. Кроме того, Конвент постановил, что затем первичные собрания снова сойдутся и сразу же, в год III (1795-й), а не 1 прериала следующего года, устроят выборы. Таким способом Конвент заявлял, что слагает с себя верховную власть и собирается немедленно ввести в силу конституцию.

Постановили, кроме того, что армии, обыкновенно лишённые совещательных прав, соберутся на тех театрах войны, какие в настоящее время занимают, и примут конституцию, поскольку за людьми, которым предстоит защищать конституцию, следует признавать право изъявить свое согласие на нее.

Когда были приняты все эти решения, многочисленные враги Конвента не замедлили заявить свое крайнее неудовольствие. Большинству из них не было никакого дела до конституции. Они согласились бы на всякую, лишь бы она могла послужить поводом к обновлению правительства. Роялистам хотелось такого обновления, чтобы вновь устроить смуту, набрать как можно больше людей по своему выбору и обратить самую республику на пользу монархии. А главное, им хотелось устранить членов Конвента, которые сражались против контрреволюции, и призвать на их место новых, неопытных людей, не связанных своей прежней деятельностью; словом, людей, которых было бы легче обольстить. Многие литераторы, писатели, неизвестные честолюбцы, которым страстно хотелось приобщиться к политической жизни, тоже желали всеобщего обновления, не из чувства вражды к революции, а только из личных интересов.

И те и другие бросились во все секции, стараясь возмутить их против декретов. Конвент, говорили они, хочет увековечить свою власть; толкует о народных правах, однако на неопределенное время откладывает их применение; предписывает народу, кого выбирать; не дозволяет оказывать предпочтение людям, не запятанным злодеяниями; насильно хочет сохранить большинство тех, кто покрыл Францию эшафотами. Таким образом, присовокупляли они, новое законодательство не очистится от сторонников террора, Франция не будет вполне упокоена насчет своей будущности и не обретет уверенность в том, что прежние ужасы никогда не возобновятся.

Такие разглагольствования действовали на многие умы. Вся буржуазия, которая была не прочь воспользоваться новыми учреждениями, но опасалась возрождения террора; люди искренние, но не привыкшие много думать, мечтавшие о беспорочной республике и желавшие вручить власть новому, чистому поколению; юноши, влюбленные в те же мечты; множество людей, одаренных пылким воображением, жаждущим новизны, – все эти люди с большим прискорбием узнали, что деятельность Конвента продлится еще года два или три. Поднялись журналисты. В секциях появились люди, занимавшие видное место в литературе или игравшие роль в прежних собраниях. Сюар, Морелле, Лакретель-младший, Фьеве, Воблан, Пасторе, Дюпон де Немур, Катрмер де Кенси, Шарль Делало, пылкий новобранец Лагарп, генерал Миранда, выпущенный из тюрьмы, в которую попал после Неервиндена, испанец Марчена, спасшийся от гонений, последовавших на его друзей жирондистов, глава роялистской агентуры Леметр – все они отличились в это время брошюрами или пылкими речами в секциях, точно сорвались с цепи.

Им было вполне ясно, какого плана держаться: следовало принять конституцию и отвергнуть декреты. Так недовольные решили поступить в Париже, так они посоветовали поступить секциям во всей Франции. Но интриганы, волновавшие секции, желали довести оппозицию до открытого восстания и задумали план более обширный. Они хотели, чтобы первичные собрания, приняв конституцию и отвергнув декреты 5 и 13 фрюктидора, объявили себя постоянными, полномочия Конвента – истекшими, а избирательные собрания – свободными выбирать депутатов, каких им заблагорассудится; наконец, они хотели, чтобы первичные собрания разошлись только по вступлении в силу нового законодательного корпуса.

Агенты Леметра пустили этот план по парижским предместьям; они написали в Нормандию, где велись интриги с целью восстановления порядков 1791 года, в Бретань, в Жиронду – словом, всюду, где у них только оставались связи. Одно из писем перехватили и прочли с кафедры. Конвент несколько не испугался затеваемых против него действий и спокойно дожидался решения первичных собраний, уверенный, что большинство голосов окажется за

него. Впрочем, подозревая, что замышляется и вооруженное насилие, депутаты передвинули несколько батальонов в лагерь Саблон под Парижем.

Тут не могла не отличиться секция Лепелетье, бывшая Сен-Тома: она явилась в Конвент с петициями от себя и секций Майль, Бют-де-Мулен, Елисейских Полей и Французского театра. Все эти секции спрашивали, чем провинились парижане и почему им не доверяют, если призвали войска. Они жаловались на мнимое насилие и употребляли между прочими следующие дерзкие выражения: «Заслужите, чтобы мы вас выбрали, а не приказывайте». Конвент с твердостью ответил на все эти адреса, заявив, что почтительно ждет проявления народной воли, которой покорится и принудит покориться всех.

Больше всего недовольные хотели бы организовать некий центр для сношений со всеми секциями, чтобы легче было придать движению общее направление и организовать восстание. Секция Лепелетье вызвалась стать таким центром. Она была вправе присвоить себе эту честь, потому что всегда горячее остальных относилась к подобным делам. Секция начала с того, что обнародовала Акт взаимной гарантии – что было и неосторожно, и бесполезно. Полномочия Конвента, говорилось в этом документе, сами собою прекращаются в присутствии державного народа; первичные собрания представляют этот державный народ; они имеют право выразить какое угодно мнение о конституции и декретах; они взаимно охраняют друг друга и обязаны гарантировать друг другу полную независимость. Никто этого и не отрицал; следовало только прибавить к этим положениям одну оговорку: Конвент сохраняет свои полномочия до тех пор, пока станет известно решение большинства.

Впрочем, эти пустые общие фразы должны были служить только средством, чтобы перейти к другой мере. Секция Лепелетье предложила всем сорока восьми парижским секциям назначить по комиссару, чтобы высказать взгляды граждан на конституцию и декреты. Тут уже начиналось нарушение законов, потому что первичным собраниям воспрещалось сноситься между собою, а также посылать друг другу комиссаров или адреса. Конвент отменил это постановление и объявил, что исполнение его будет считаться угрозой общественной безопасности.

Секции, еще не успевшие набраться смелости, уступили и стали собирать голоса. Они начали с того, что изгнали патриотов, приходивших голосовать. В одних секциях их просто выгоняли вон из залы; в других посредством афиш патриотам предлагалось оставаться дома. Многие таким образом лишились возможности воспользоваться своими правами, и люди поспешили в Конвент жаловаться на насилие. Конвент выразил неодобрение такому поведению секций, но отказался вмешиваться, чтобы не выглядело так, будто он требует голоса, и чтобы само это злоупотребление послужило доказательством полной свободы выборов. Патриоты, изгнанные из своих секций, искали убежища на трибунах Конвента; там они расположились в большом числе и каждый день требовали, чтобы комитеты возвратили им оружие, уверяя, что готовы применить его для защиты Республики.

Все парижские секции, кроме секции Кенз-Вен, приняли конституцию и отвергли декреты, не то, что в остальной Франции. Оппозиция, как это всегда происходит, была не так горяча в провинциях, как в столице. В провинциях же собрания сошлись спокойно, при полной, однако же, свободе, приняли конституцию почти единогласно, а декреты – значительным большинством. Что касается армий, они приняли конституцию с восторгом; в Бретани и Вандее, в Альпах и на Рейне лагеря, превращенные в первичные собрания, оглашались громкими, радостными криками. Лагеря были полны людей, преданных революции, привязанных к ней в силу самых жертв, которые ей принесли. Этот общий восторг доказал Парижу, что в армиях вовсе не было ожесточения против революционного правительства. Ополченцы 1793 года, которыми армии были наполнены, сохраняли благоговейную память о великом комитете, который гораздо лучше управлял ими и кормил их, нежели новое правительство. Оторванные

от частной жизни, приученные ни во что не ставить труды и смерть, вскормленные, так сказать, славой и иллюзиями, они еще сохраняли восторженность, которая в провинциях начала угасать; они гордились тем, что могли называться солдатами республики, защищаемой ими против всех европейских государей; республики, которая могла считаться до некоторой степени делом их рук. Они с полной искренностью клялись не дать ей погибнуть.

Армия Самбры-и-Мааса, которой командовал Журдан, разделяла возвышенные чувства своего храброго начальника. Эта армия стала победительницей при Ватиньи, сняла блокаду Мобёжа, победила при Флёрюсе и подарила

Франции Бельгию; она, наконец, победила на Урте и Руре, обеспечив Франции линию Рейна. Она только недавно перешла Рейн, и 60 тысяч человек разом приняли новую республиканскую конституцию.

Эти известия, ежедневно доходившие до Парижа, радовали Конвент и весьма огорчали секционистов. Каждый день они являлись с новыми адресами, в которых, донося результаты голосования в своих собраниях, с оскорбительной радостью объявляли, что конституция принята, а декреты отвергнуты. Патриоты, толпившиеся на трибунах, роптали; но в ту же минуту зачитывали протоколы, присланные из департаментов и сообщавшие о принятии и конституции, и декретов. И патриоты раздражались бешеными рукоплесканиями. Последние дни фрюктидора целиком прошли в подобных бурных заседаниях. Наконец 23 сентября 1795 года (1 вандемьера года IV) был обнародован общий результат голосования.

Конституция оказалась принятой почти единогласно, а декреты – подавляющим большинством. Несколько тысяч голосов, однако, были поданы против декретов, попадались даже голоса, осмелившиеся требовать короля: это было достаточным доказательством полной свободы, которой пользовались первичные собрания. В тот же день конституция и декреты были торжественно объявлены государственными законами. Это объявление было принято продолжительными рукоплесканиями. Конвент немедленно постановил декретом, чтобы те из первичных собраний, которые еще не выбрали своих избирателей, сделали это до 2 октября, чтобы избирательные собрания сошлись и кончили дело не позже 21 октября; наконец, чтобы новый законодательный корпус собрался 6 ноября (15 брюмера).

Это известие как громом поразило секционистов. Они до последней минуты надеялись, что Франция согласится с Парижем и они таким образом избавятся от двух третей; но последний декрет отнимал у них всякую надежду. Тогда они прикинулись, будто не верят в добросовестное исчисление голосов, и послали комиссаров в комитет декретов проверить протоколы. Эта оскорбительная выходка была принята спокойно: комиссарам показали протоколы, позволили пересчитать голоса, и они вынуждены были признать, что подсчет верен.

После этого уже не оставалось возможности ссылаться на мнимую ошибку или нечестность: оставалось лишь одно – восстание. Но это была ужасная мера, и нелегко было на нее решиться. Честолюбцы, воинственно настроенная молодежь и роялисты охотно подвергали себя риску сражения; но миролюбивым гражданам, привлеченным к секционному движению скорее страхом нового террора, нежели политическим мужеством, не так-то легко было решиться на крайние меры. Во-первых, восстание было не в их правилах: как, в самом деле, могли враги анархии открыто восстать против установленной и признанной всей страной власти? Партии, правда, не очень пугаются противоречий; но как посметь мирным буржуа, никогда не покидавшим своих домов и контор, напасть на регулярные войска, снабженные пушками?

Однако роялистские интриганы кинулись в секции и стали распространяться об интересах общества; о чести; о том, что нельзя чувствовать себя в безопасности, если власть останется в руках Конвента; что этак каждую минуту может вернуться террор; наконец, что стыдно отступать и покоряться. Тут они прямо обращались к тщеславию своих слушателей. Молодые люди, возвратившиеся из армии, пошумели, похвастались, увлекли за собою робких, не дали

им высказать своих опасений, и всё было приготовлено к энергичной выходке. Группы молодежи ходили по улицам и кричали: «Долой две трети!» Когда солдаты Конвента решили их разогнать и помешали кричать и буянить, им ответили ружейными выстрелами. Начались беспорядки по всему городу и даже в Пале-Рояле.

Леметр и его соратники, видя такой успех своих трудов, выписали в Париж нескольких шуанских вождей и некоторое число эмигрантов. Их спрятали и только ждали первого сигнала, чтобы выпустить. Удалось вызвать смуты в Орлеане, Шартре, Дрё, Вернёйе и Нонанкуре. В Шартре депутат Летелье пустил себе пулю в лоб с отчаяния, что ему не удалось помешать беспорядкам. Хотя эти волнения и были подавлены, однако успех агитации в Париже вполне мог привести к всеобщему движению.

Плана восстания еще не было, но простоватые парижские буржуа понемногу поддавались молодежи и интриганам. Больше всех волновалась, по обыкновению, секция Лепелетье. Прежде чем думать о наступательной тактике, необходимо было учредить центральное управление, и к этому давно уже искали средства. Организаторам пришло на ум, что собрание избирателей, выбранных всеми парижскими первичными собраниями, могло бы стать таковым центром; но, согласно последнему декрету, это собрание не имело права сойтись ранее 6 сентября (20 фрюктидора), а так долго ждать было нельзя. Тогда секция Лепелетье предложила постановление, мотивированное довольно странным соображением. Конституция, говорилось в этом постановлении, полагает промежуток между первичными и избирательными собраниями лишь в двадцать дней. Первичные собрания на этот раз сошлись 6-го числа, стало быть, избирательные собрания должны сойтись 2 октября (10 вандемьера). Конвент же назначил не 2-е, а 12 октября (20 вандемьера), очевидно, чтобы еще замедлить вступление в силу конституции и оттянуть минуту, когда придется делиться властью с новой третью законодательного корпуса. Поэтому, с целью защиты прав граждан, секция Лепелетье постановила, чтобы уже выбранные избиратели тотчас же собрались и сообщили это постановление другим секциям, требуя одобрения. От многих действительно получили одобрение и назначили собрание на 3 октября (11 вандемьера) в театре «Одеон».

В этот день часть избирателей собралась в здании театра, под охраной нескольких батальонов Национальной гвардии. Толпа любопытных сбежалась на площадь Одеон и за короткое время заполнила ее. Комитеты общественной безопасности и общественного спасения, а также три депутата, которые после 4 прериала управляли вооруженными силами Парижа, всегда собирались в важных случаях. Они поспешили в Конвент с донесением об этом первом своевольном поступке, ясно указывавшем на замышляемое восстание. Конвент в этот день собирался отмечать печальную дату – день памяти злополучных жирондистов. Многие хотели отложить торжественный прием, но Тальен заявил, что было бы недостойно собрания прерывать свои занятия и что следует делать то, что положено делать, не обращая внимания ни на какие опасности. Издали декрет, приказывавший разойтись всякому избирательному собранию, собравшемуся незаконным путем или ранее предписанного срока. Чтобы предоставить возможность отступления всем, кто пожелал бы отойти от начатого дела, декрет присовокуплял, что все, кто, будучи вовлечен в противозаконные действия, немедленно вернуться на праведный путь, будут избавлены от всяких преследований. В ту же минуту несколько полицейских офицеров в сопровождении всего только шести драгун отправились на площадь Одеон для объявления декрета.

Комитеты хотели по возможности избежать применения силы. Толпа между тем увеличивалась и в «Одеоне», и на площади. Зала театра была дурно освещена, множество секционистов занимало ложи. Те, кто принимали деятельное участие в происшествии, в волнении ходили по сцене. Никто не смел совещаться или решить хоть что-нибудь.

Узнав, что пришли полицейские, все выбежали на площадь. Толпа уже обступила офицеров, загасила их факелы и принудила разбежаться. Секционисты вернулись в залу, поздрав-

ляя друг друга с этой победой. Они говорили речи, клялись сопротивляться тирании, но не приняли никаких мер, чтобы поддержать совершенный уже решительный шаг.

Становилось поздно; многие любопытные, даже некоторые секционисты, начали расходиться; зала начала пустеть, а когда подошли гвардейцы, в ней уже никого не оставалось. Нужно заметить, что комитеты приказали генералу Мену, назначенному начальником внутренней армии, привести из лагеря одну колонну солдат. Колонна пришла и привезла два орудия, но никого более не застала ни на площади, ни в зале «Одеона».

Это происшествие, хоть и не имело последствий, вызвало сильное волнение. Секционисты снова испытали свои силы и приободрились. Конвент и его приверженцы с ужасом следили за событиями этого дня и не сомневались в восстании, не предполагая, что их противники могли еще не принять никакого решения. Патриоты, недовольные Конвентом, который обошелся с ними уж очень немилостиво, однако, исполненные обычного рвения, сознавали, что долг велит им пожертвовать личными чувствами общему делу. В ту же ночь они толпами явились в комитеты – предлагать свои услуги и просить оружия. Одни недавно вышли из тюрем, другие были исключены из первичных собраний: у всех имелись самые уважительные причины усердствовать. К ним присоединилось множество офицеров, исключенных из военной службы реакционером Обри. Термидорианцы, за которыми всё еще оставался перевес в комитетах и которые опять сошлись с монтаньярами, не колеблясь приняли предложения патриотов, и их поддержали многие жирондисты. Луве, на сходках, происходивших у одного общего друга термидорианцев и жирондистов, предлагал снова вооружить предместья и даже открыть Клуб якобинцев, с тем, впрочем, чтобы опять закрыть, если эта мера окажется ненужной.

Итак, комитеты, не задумываясь, велели раздать оружие всем желающим, дали им в офицеры военных, находившихся в Париже без занятий, а начальником над ними назначили старого генерала Беррюйе. Это происходило утром 4-го числа. Слухи об этих событиях тотчас же разносились по всем кварталам, и это оказалось весьма с руки агитаторам, старавшимся скомпрометировать мирных парижан. Конвент, говорили они, опять хочет начать террор: он раздает оружие террористам, а потом натравит их на порядочных людей; имущество и личность более не в безопасности; надо скорее братья за оружие, чтобы защищать их.

Действительно, секции Лепелетье, Бют-де-Мулен, Общественного договора, Французского театра, Люксембурга, Пуассоньер, Брута и Тампля объявили себя в состоянии восстания, подняли тревогу в своих кварталах и приказали гражданам, принадлежавшим к Национальной гвардии, отправляться в свои батальоны, чтобы следить за общественной безопасностью, которой будто бы угрожали сторонники террора. Барабанщики с глашатаями, посланные от секций, смело прошли по городу, подавая сигнал к восстанию. Граждане, волнуемые распускаемыми слухами, вооружились и отправились по секциям, готовые поддаться всем внушениям неразумной молодежи и коварных интриганов.

Конвент немедленно объявил свои заседания постоянными и предписал комитетам строго следить за общественной безопасностью и исполнением декретов. Депутаты отменили закон о разоружении патриотов, чтобы придать легальность уже принятым комитетами мерам, но в то же время издали прокламацию с целью успокоить Париж по поводу намерений и патриотизма людей, которым было возвращено оружие.

Комитеты, убедившись, что секция Лепелетье становится центром всех интриг и скоро, может быть, сделается главной квартирой бунтовщиков, постановили окружить эту секцию и отобрать у нее оружие. Мену опять получил приказ выступить из лагеря с отрядом и несколькими орудиями. Этому генералу, хорошему офицеру, гражданину кроткому и умеренному, однако, выпала самая трудная работа в течение всей революции. В Вандее он терпел всякие неприятности и притеснения от партии Ронсена. Его привезли в Париж и отдали под суд, и он был обязан жизнью только событиям 9 термидора. Потом Мену назначили начальником внут-

ренной армии и отдали приказ идти усмирять предместья. Но тогда он должен был сражаться против своих природных врагов, притом преследуемых общественным мнением, и наконец, слишком мало щадивших чужую жизнь, чтобы можно было особенно щадить их.

Теперь же ему предстояло стрелять по населению самой столицы, по молодежи, принадлежавшей к лучшим семействам, словом – по тому классу, который создавал общественное мнение. Следовательно, генерал Мену находился в жестоком недоумении, как это всегда бывает со слабохарактерными людьми, не умеющими ни отказаться от своей должности, ни решиться исполнить суровое поручение. Он выступил очень поздно; дал секциям возможность объявлять всё, что им было угодно, в течение предыдущего дня; затем, вместо того чтобы действовать, пустился в тайные переговоры с несколькими вдохновителями возмущений; даже заявил трем депутатам, управлявшим вооруженной силой, что не желает командовать батальоном, составленным из патриотов. Депутаты отвечали, что этот батальон будет состоять под исключительным началом Беррюйе, и торопили генерала, не жалуясь еще, однако, комитетам на его колебания и нерешительность. К тому же они не могли не заметить такого же нежелания у многих других офицеров и у обоих бригадных генералов, которые под предлогом болезни не явились вовсе.

Наконец, уже к ночи, Мену в сопровождении депутата Лапорта явился в секцию Лепелетье. Зачинщики заседали в женском монастыре Святого Фомы, на месте которого впоследствии соорудили прекрасное здание Биржи. Туда надо было идти через улицу Вивьен. Мену загромодил эту улицу пехотой, кавалерией, орудиями и оказался в положении, в котором трудно было бы сражаться, окруженным толпами секционистов, запиравших все выходы и заполнявших окна домов. Генерал подкатил свои пушки к воротам монастыря и вошел вместе с Лапортом и с батальоном в залу, где проходило заседание. Члены секции, вместо того чтобы заседать, как надлежит совещательному собранию, оказались вооружены, выстроены в боевом порядке и с председателем во главе. Председателя звали Делало.

Генерал и депутат потребовали, чтобы присутствующие сдали оружие; те отказались. Председатель Делало, заметив, что требование было заявлено с некоторым колебанием, ответил на него горячо, обратился к солдатам с большим присутствием духа и объявил, что лишь насилем, доведенным до последней крайности, можно будет отнять у членов секции оружие. Сражаться в этом тесном пространстве или выйти и разгромить здание пушками – это был тяжелый выбор. Однако сомнительно, чтобы секционисты выдержали до конца, если бы Мену говорил с твердостью, предварительно расставив артиллерию.

Мену и Лапорт предпочли капитуляцию: они пообещали увести войска с условием, что секция немедленно разойдется. Секция обещала, или, вернее, притворилась, что обещает. Часть членов даже прошли в порядке через залу, как бы собираясь удалиться. Мену, со своей стороны, вывел свой отряд и увел все войска, которые с трудом смогли пробраться сквозь плотную толпу. Секция между тем торжествовала и еще более утвердилась в своих намерениях. Вышедшие члены немедленно вернулись. Пронесся слух, что декреты не исполнены, а победа осталась за бунтовщиками и войска возвращаются, не отстояв власти Конвента. Множество очевидцев этой сцены побежали в Конвент, ворвались на трибуны, рассказали о случившемся, и со всех сторон раздались крики «Измена! Измена!» и «К решетке генерала Мену!». Конвент потребовал комитеты для объяснений.

В то же время комитеты, уведомленные о случившемся, со своей стороны, находились в сильнейшем волнении. Они хотели арестовать Мену и немедленно судить его. Только это ничему бы не помогло: следовало исправить его оплошность. Однако едва ли можно было ждать согласия и необходимых энергии и распорядительности от сорока человек, споривших об исполнительных мерах. Три депутата, управлявшие вооруженной силой, тоже не обладали достаточным авторитетом.

Первой мыслью было назначить одного главу – как всегда в решительных случаях. В эту минуту, напомиравшую обо всех опасностях термидора сразу, вспомнили о депутате Баррасе, который в качестве бригадного генерала был назначен главнокомандующим и распорядителем в памятный день 9 термидора и справился со своей задачей со всей необходимой энергией. Депутат Баррас был высокого роста, имел сильный голос, не умел говорить длинных речей, но мог экспромтом сказать несколько энергичных сердитых фраз, которые сразу давали о нем понятие как о человеке решительном и преданном своему делу.

Он и был назначен начальником внутренней армии, и ему в помощники дали тех самых трех депутатов, которые до него управляли вооруженными отрядами. Это был в одном отношении очень удачный выбор. При Баррасе состоял чрезвычайно способный офицер, а Баррас был не настолько мелочен, чтобы устранять человека, искуснее себя. Все депутаты, бывавшие в Италии комиссарами, хорошо знали молодого артиллерийского офицера, по милости которого были взяты Тулон, форт Саорджио и линия реки Ройи. Этот молодой офицер, потом уже бригадный генерал, был отставлен Обри и проживал в Париже без дела. Его представили госпоже Тальен, которая обласкала его со своей обычной добротой и стала о нем хлопотать.

Баррас

Генерал был небольшого роста, очень худощав, со впалыми, болезненно бледными щеками, но прекрасными чертами лица, пронзительным, пристальным взглядом, твердой и своеобразной речью; он обращал на себя внимание. Часто говорил он о решительном театре войны, где, по его мнению, Республика должна была найти победу и мир. Этим театром войны была Италия. Поэтому, когда под началом Келлермана все апеннинские линии были потеряны, комитет призвал этого генерала и спросил его мнения.

С той поры ему поручали составление декретов, и он участвовал в управлении военными действиями. В ночь на 4 октября (12 вандемьера) Баррас вспомнил о нем и потребовал, чтобы генерала прикомандировали к нему, что и было исполнено. Оба назначения, в ту же ночь представленные на утверждение Конвента, были немедленно одобрены. Баррас поручил заботу о военных распоряжениях молодому генералу, который в ту же минуту всё принял на себя и начал отдавать приказы с изумительной энергией.

Тревогу продолжали бить во всех кварталах. Во все стороны отправились эмиссары, преувеличившие твердость секции Лепелетье и восхвалявшие ее успех, преувеличивая при этом опасности, которым она подвергалась, доказывая, что те же опасности грозят всем секциям, подстрекая их самолюбие и уговаривая не отставать от молодцов из квартала Святого Фомы. Со всех сторон стали стекаться недовольные, и наконец в секции

Лепелетье образовался центральный военный комитет под председательством журналиста Рише де Серизи. Проект восстания был уже подготовлен; отряды строились; нерешительные люди увлекались речами и примером; словом, из-за воображаемого вопроса чести вся парижская буржуазия собиралась играть роль, вовсе не согласную ни с ее привычками, ни с ее интересами.

Теперь уже было поздно думать о том, чтобы идти на секцию Лепелетье и этим задуть восстание в самом начале. Конвент располагал 5 тысячами регулярного войска. Предполагая, что все секции обнаружат одинаковое усердие и соберут до 40 тысяч хорошо вооруженных и организованных людей, не идти же было 5 тысячам против 40 на улицах громадной столицы. Одно еще можно было сделать: защитить Конвент и обратить его в отлично укрепленный лагерь.

Это-то и задумал генерал Бонапарт. У секций не было пушек: 4 прерияля они сдали все, какие у них были, и те самые секции, которые более всех горячились теперь, первыми тогда подали пример, чтобы только обезоружить предместье Сент-Антуан. Это было очень выгодно Конвенту. Весь парк находился в лагере Саблон. Бонапарт тотчас же приказал эскадронному командиру Мюрату ехать за этим парком с отрядом кавалерии из трехсот человек. Мюрат подошел как раз в то время, когда отряд секции Лепелетье подходил, чтобы завладеть парком, проскакал вперед, обогнал отряд, велел запрячь орудия и повез их к Тюильрийскому дворцу.

Затем Бонапарт занялся укреплением всех выходов. У него было 5 тысяч регулярного войска; отряд патриотов, увеличившийся за сутки до полутора тысяч; несколько жандармов, лишенных оружия в прерияле, а теперь опять получивших его в виду экстренных обстоятельств; наконец, полицейский легион и несколько инвалидов – всего до 8 тысяч человек. Бонапарт разместил свою артиллерию и пехоту по глухим улочкам, тупикам, имевшим только один выход: Дофин, Л'Эшель, Роган и Сен-Никез, затем на Новом мосту, на Королевском мосту, на мосту Людовика XVI, на площадях Людовика XV² и Вандомской, – словом, на всех пунктах, с которых можно было подступиться к Конвенту.

Кавалерию и часть пехоты Бонапарт оставил в виде резерва на площади Карусель и в саду Тюильри. Он приказал свезти в Тюильри все съестные припасы, устроить тут же склад зарядов и перевязочный пункт. Он послал отряд с приказом завладеть складом в Мёдоне и занять там возвышенности, чтобы иметь возможность уйти туда с Конвентом в случае неудачи. Затем Бонапарт велел перехватить дорогу на Сен-Жермен, чтобы бунтовщикам не смогли доставить пушки, и послал несколько ящиков с оружием в предместье Сент-Антуан, чтобы вооружить секцию Кенз-Вен, которая одна подала голос за декреты. Кроме того, в эту секцию отправился Фрерон, поддержать ее на месте.

Все эти распоряжения были отданы утром 5 октября (13 вандемьера). Республиканским войскам приказали ждать нападения и не нападать самим.

Тем временем комитет восстания тоже отдавал распоряжения. Он объявил правительственные комитеты все закона и создал нечто вроде судилища – для суда над теми, кто не признает верховной власти секций. Несколько генералов предложили комитету свои услуги; некий вандеец, граф Молеврье, и молодой эмигрант по имени Лафон пришли открыто и взялись управлять передвижениями. Генералы Дюо и Даникан, командовавшие республиканскими войсками в Вандее, присоединились к ним. Даникан был человеком, гораздо более годным на то, чтобы ораторствовать в клубе, нежели быть начальником армии. Отставленный от службы, он проживал в Париже, крайне недовольный и готовый принять участие в любых преступных замыслах. Его назначили военным начальником секций.

² В то время Королевский мост назывался мостом Насьональ, мост Людовика XVI – мостом Революции, а площадь Людовика XV – площадью Революции. – *Прим. ред.*

Когда окончательно решено было драться и граждане оказались вовлечены в события почти против своей воли, бунтовщики придумали нечто вроде плана. Секции предместья Сен-Жермен под предводительством графа Молеврье должны были направиться от «Одеона» через мосты и напасть на дворец Тюильри. Секции правого берега должны были повести атаку с улицы Сент-Оноре и всех поперечных улиц, идущих от Сент-Оноре к Тюильри. Один отряд под началом молодого Лафона должен был занять Новый мост, чтобы поддерживать сообщение между двумя отделениями этой армии. Во главе колонн поставили молодых людей, служивших в армии и более других способных выдержать огонь.

Из 40 тысяч солдат Национальной гвардии под ружьем были едва ли от 20 до 27 тысяч. Гораздо вернее было бы загородить улицы баррикадами, запретить таким образом Конвент с его войсками в ограде Тюильри, занять окрестные дома, поддерживать оттуда прицельный убийственный огонь, по одиночке убивая защитников Конвента, и в короткое время усмирить их голодом и пулями. Но секционисты рассчитывали на внезапный напор и надеялись одной атакой дойти до дворца и заставить защитников раскрыть перед ними все двери.

Тем временем секция Пуассоньер остановила артиллерийских лошадей и повозки с оружием, предназначавшиеся для секции Кенз-Вен; секция Монблан отбила продовольствие, отправляемое в Тюильри; отряд секции Лепелетье завладел Казначейством. Молодой Лафон во главе нескольких отрядов двинулся к Новому мосту, тогда как другие отряды шли из переулка Дофин. Этот мост было поручено защищать генералу Карто, для чего ему дали четыреста человек и четыре пушки. Не желая начинать сражения, он отступил на набережную Лувра. Отряды секций повсюду выстроились всего в нескольких шагах от постов, поставленных Конвентом, — так близко, что с часовыми можно было разговаривать.

Войскам Конвента весьма выгодно было бы принять на себя инициативу, и если бы они произвели неожиданное нападение, то, вероятно, привели бы мятежников в смятение. Но офицерам приказали ждать нападения. Поэтому, невзирая на совершенные уже враждебные действия — взятие артиллерийских лошадей, оружия и продовольствия, несмотря даже на смерть одного ординарца, убитого на улице Сент-Оноре, с атакой всё еще медлили.

Всё утро прошло в приготовлениях секций и в ожидании со стороны войск Конвента. Вдруг Даникан, прежде чем начинать сражение, решил послать комитетам парламентаря, чтобы предложить им свои условия. Баррас и Бонапарт обходили посты, когда к ним привели этого парламентаря с завязанными глазами, как в военную крепость. Они сразу же приказали вести его к комитетам. Парламентарь начал говорить в угрожающем тоне и предложил мир с условием отобрать оружие у патриотов и отменить декреты 5 и 13 фрюктидора. Подобные условия не могли быть приняты, как, впрочем, и любые другие. Однако комитеты, хоть и не стали даже отвечать, однако решили послать двадцать четыре депутата брататься с секциями. Это средство много раз уже удавалось, потому что живое слово сразу трогает людей, готовых лезть в драку, и они охотно соглашаются на сделку, избавляющую их от необходимости взаимной резни.

Между тем Даникан, не получив ответа, приказывает начать атаку. Раздаются выстрелы. Бонапарт велит нести восемьсот ружей и патронташей в одну из зал Конвента, чтобы вооружить депутатов, которые, в случае надобности, могли бы служить резервом. Эта предосторожность сразу дает почувствовать, как велика опасность. Каждый депутат спешит занять свое место, и, как всегда в минуты опасности, собрание в глубочайшем молчании начинает ждать исхода.

Уже 4 часа. Бонапарт в сопровождении Барраса садится на лошадь во дворе Тюильри и скачет к посту в переулок Дофин, что против церкви Святого Роха. Секционные отряды уже наполняли улицу Сент-Оноре и доходили до самого переулка. Один из их лучших отрядов стоял на ступенях церкви Святого Роха, откуда удобно было стрелять по канонирам Конвента. Бонапарт, умевший ценить значение первого хода, выдвигает свои орудия и дает залп. Секци-

онисты отвечают живым ружейным огнем; но Бонапарт, закидывая их картечью, заставляет отступить к церкви. В ту же минуту он выезжает на улицу Сент-Оноре и бросается к церкви с отрядом патриотов, которые доблестно сражаются подле него и жаждут мести за многие нанесенные им жестокие оскорбления.

Секционисты, несмотря на энергичное сопротивление, вынуждены покинуть это место. Тогда Бонапарт, немедленно развернув орудия вправо и влево, начинает обстреливать улицу Сент-Оноре по всей длине. Мятежники бегут в беспорядке. Бонапарт оставляет офицера, поручив ему продолжать пальбу и довершить разгром мятежников, а сам скачет к посту на площади Карусель, а оттуда к остальным. Везде он стреляет картечью, везде обращает в бегство несчастных секционистов, неосторожно попавших под пушечный огонь плотными колоннами. Имея во главе своей очень храбрых людей, мятежники, однако, с величайшей поспешностью бегут к главной квартире – женскому монастырю св. Фомы.

Даникан и прочие вожди только тогда понимают, какую совершили ошибку, отправившись прямо под пушки, вместо того чтобы построить баррикады и засесть по домам, окружающим Тюильри. Однако они не теряют бодрости и готовы к новому усилию. Решено соединиться с колоннами, идущими из Сен-Жерменского предместья, и вместе предпринять атаку на мосты. Они собирают от шести до восьми тысяч человек, направляют их к Новому мосту, где стоит Лафон со своим отрядом, и соединяют с отрядами, идущими из переулка Дофин, под началом графа Молеврье.

Все вместе они двигаются плотной колонной от Нового моста к Королевскому, вдоль набережной Вольтера. Бонапарт, присутствуя везде, где того требует опасность, уже на месте. Он расставляет несколько батарей на параллельной набережной Тюильри, выдвигает пушки у входа на Королевский мост и нацеливает их на набережную, по которой идут мятежники. Приняв эти меры, Бонапарт дает секционистам подойти близко и только тогда приказывает стрелять. Картечь сыплется с моста прямо на них и громит сбоку, сея смерть и ужас в их рядах. Молодой Лафон с геройской храбростью собирает около себя наиболее твердых из своих людей и опять идет к мосту, намереваясь взять орудия с бою. Удвоенный огонь разгоняет его колонну; тщетно пытается он еще раз вести ее в атаку: колонна разбегается от выстрелов искусно управляемой артиллерии.

В шесть часов сражение, начавшееся в половине пятого, было кончено. Тогда Бонапарт, который вел это дело с беспощадной энергией и стрелял по парижанам точно по австрийским полкам, приказывает зарядить пушки одним порохом, чтобы окончательно разогнать мятежников. Несколько секционистов укрепляются на Вандомской площади, в церкви Святого Роха и в Пале-Рояле; Бонапарт выводит свои войска из всех переулков на улицу Сент-Оноре и отделяет отряд, который, отправившись от площади Людовика XV, переходит улицу Руаяль и идет вдоль бульваров. Таким образом, очищают Вандомскую площадь, освобождают церковь Святого Роха, окружают Пале-Рояль и блокируют его, чтобы избежать ночного сражения.

На следующее утро достаточно было нескольких ружейных выстрелов, чтобы заставить мятежников очистить Пале-Рояль и секцию Лепелетье, где они намеревались укрепиться. Бонапарт снял немногочисленные баррикады, которые были настроены близ заставы Сержантов, и остановил отряд, который вез секционистам пушки из Сен-Жермен. Спокойствие было вполне восстановлено в течение следующего дня. Убитые были убраны немедленно, чтобы изгладить всякие следы сражения. С обеих сторон насчитали до трех или четырех сотен человек ранеными и убитыми.

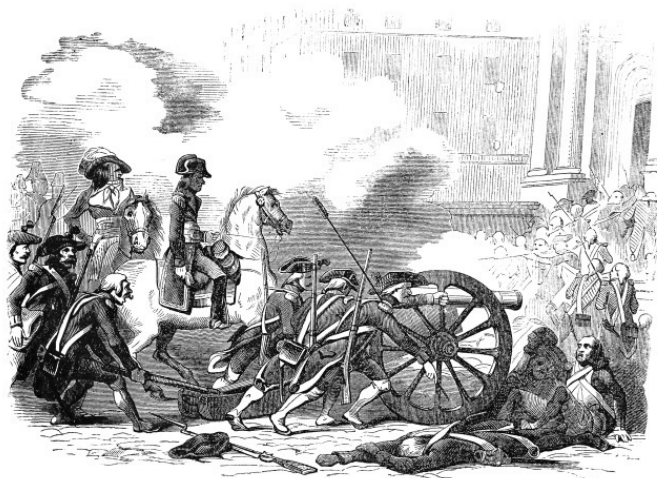
Эта победа обрадовала всех искренних друзей Республики. Конвенту, то есть революции и ее создателям, она вернула авторитет, необходимый для водворения новых учреждений. Однако все придерживались мнения, что не следует пользоваться победой слишком сурово. Конвент мог ожидать упрека в том, что он будто бы сражался только в память о терроре, с

целью восстановить его. Поэтому весьма важно было отнять у врагов всякий повод к обвинениям в намерении проливать кровь. К тому же секционисты доказали, что они плохие заговорщики и далеко не обладают такой энергией, как патриоты; они поспешили разойтись по домам, обрадовавшись, что дешево отделались, и гордясь тем, что хоть минуту пренебрегали знаменитыми пушками, столько раз побивавшими ряды Брауншвейга и Кобурга. Они не были опасны, только бы им не мешали восхищаться собственной храбростью.

Поэтому Конвент ограничился тем, что сменил Главный штаб Национальной гвардии; распустил отряды гренадеров и стрелков, так как они были организованы лучше других и состояли почти целиком из молодежи, носившей черные воротнички и зачесывавшей волосы вверх; определил Национальную гвардию под начало генерала, командующего внутренней армией; повелел отобрать оружие у секций Лепелетье и Французского театра; наконец, снарядил три комиссии для суда над организаторами мятежа, которые, впрочем, почти все скрылись.

Отряды гренадеров и стрелков дали себя распустить беспрекословно; секции Лепелетье и Французского театра сдали оружие без сопротивления – все покорились. Комитеты, соглашаясь с этой политикой милосердия, дали уйти всем виновным или не мешали им оставаться в Париже, где те едва ли считали необходимым прятаться. Комиссии выносили одни только заочные приговоры. Из вождей был арестован только один – Лафон. Этот молодой человек своей храбростью внушил к себе некоторое участие; его хотели спасти, но он заупрямился и заявил о своем звании эмигранта и о своем участии в бунте, так что не оказалось возможности его помиловать. Снисходительность тогда была так велика, что один из членов секции Лепелетье по имени Кастеллан, встретив ночью патруль, который окликнул его вопросом «Кто идет?», ответил: «Кастеллан, заочно приговоренный!» – и не был схвачен. Стало быть, 13 вандемьера не имело кровавых последствий, и столица не была ничем опечалена.

Не наказывая своих врагов, Конвент, однако, наградил своих защитников: он объявил их заслуживающими признательности отечества, положил выдать денежные награды и устроил блестящий прием в честь Барраса и Бонапарта. Баррас, уже прославившийся 9 термидора, прославился еще больше 13 вандемьера: ему приписывалось спасение Конвента. Но он не побоялся поделить эту славу со своим молодым товарищем. «Собрание спас генерал Бонапарт, – сказал он, – своими быстрыми и искусными распоряжениями». Это заявление вызвало рукоплескания. Руководство внутренней армией было утверждено за Баррасом, а Бонапарт был назначен его помощником.

День 13 вандемьера

Роялистские интриганы сильно ошиблись в расчете. Они поспешили отписать в Верону, что обмануты решительно всеми; что денег нет; что монархические депутаты, те самые, обещаниями которых они заручились, обманули их и сыграли самую подлую роль; что всё это – якобинское отродье, которому не должно доверять; что, к сожалению, не удалось достаточно скомпрометировать и связать тех, кто соглашался служить делу; что парижские роялисты, рисующиеся в фойе театров, при первом выстреле попрятались под кроватями женщин, которые только терпят их около себя.

Леметр, роялистский главарь, был арестован вместе с несколькими агитаторами из секции Лепелетье. У него захватили множество бумаг. Роялисты боялись, как бы эти бумаги не выдали заговора, а особенно как бы сам Леметр не сказал лишнего. Однако они не растерялись, и их агенты продолжали действовать в секциях. Безднаказанность придала им смелости. Если уж Конвент, рассуждали они, одержал победу и не смеет наказать виновных, значит, он признает, что общественное мнение за них; он явно не уверен в правоте своего дела, если колеблется.

Побежденные стали держать себя с большей гордостью, нежели Конвент, и снова появились в избирательных собраниях, чтобы влиять на выборы. Собрания должны были сойтись 12 октября (20 вандемьера); новый законодательный корпус должен был собраться 26 октября (5 брюмера). В Париже роялистские агенты устроили так, что был избран член Конвента Саладен, которого они уже заранее переманили на свою сторону. В некоторых департаментах роялисты спровоцировали драки; а некоторые избирательные собрания распались на две половины.

Эти происки, эта возрожденная смелость раздражали патриотов, все предсказания которых сбылись 5 октября (13 вандемьера). Они гордились и тем, что верно отгадали, и тем, что своим мужеством преодолели опасность. Они хотели, чтобы победа не осталась без пользы, чтобы она повлекла за собой строгие меры по отношению к их противникам и вознаграждение для их друзей в тюрьмах. Патриоты начали подавать петиции, требуя освобождения заключенных; отставки офицеров, назначенных реакционером Обри; восстановления в прежних чинах смененных офицеров; суда над арестованными депутатами и внесения их в избирательные списки, если они окажутся невиновными.

Гора, поддерживаемая патриотами, рукоплескала этим просьбам и требовала их исполнения. Тальен, сблизившийся с монтаньярами и ставший гражданским главой преобладающей партии, в то время как Баррас был ее военным главой, старался сдержать монтаньяров. Он уговорил Конвент отвергнуть последнюю просьбу о внесении в списки заключенных депутатов как противную декретам 5 и 13 фрюктидора. В силу этих декретов депутаты, отрешенные от должности, пусть и временно, не могли быть избраны. Однако монтаньяров сдерживать было не легче, чем секционистов, и последние дни этого собрания, заседания которого должны были продолжаться еще только одну декаду, по-видимому, собирались омрачить непрерывными прениями.

Известия с границ тоже немало усиливали волнения, возбуждая недоверие патриотов и надежды роялистов. Мы видели выше, что Журдан перешел Рейн и пошел дальше, к речке Зиг, а Пишегрю вступил в Мангейм и перебросил одну дивизию за Рейн. Такая удача не внушила хваленому Пишегрю ни одной удачной мысли, и он вполне доказал этим либо свое предательство, либо свою бесталанность. Руководствуясь обыкновенными аналогиями, следовало бы приписать его ошибки неспособности широко мыслить, потому что человек, даже при желании совершить измену, никогда не отказывается от случая одержать великую победу. Однако некоторые современники Пишегрю, заслуживающие доверия, полагают, что причиной его неловких маневров была измена; если это так, то он единственный из известных в истории полководцев, который добровольно дал себя побить.

Ему следовало перебросить за Рейн не один корпус, а всю армию, чтобы завладеть Гейдельбергом, так как это самый важный пункт, на котором дороги перекрещиваются и затем

расходятся от Верхнего Рейна в долины Неккара и Майна. Таким образом, Пишегрю захватил бы мост, который мог послужить соединению Вурмзера с Клерфэ, разлучил бы этих двух генералов и обеспечил себе такую позицию, благодаря которой мог бы соединиться с Журданом и, образовав одну большую силу, разбить сперва одного, потом другого.

Клерфэ, чувствуя опасность, бросил берега Майна и поспешил в Гейдельберг; но его помощник Квзданович с помощью Вурмзера уже успел выбросить из Гейдельберга дивизию, оставленную Пишегрю. Сам Пишегрю сидел, запершись в Мангейме, и Клерфэ, избавленный от опасений за свои сообщения с Вурмзером, не теряя времени, пошел против Журдана. Этот последний, запертый между Рейном и линией нейтралитета, не имея права действовать там как в неприятельской стране, не получая организованного подвоза из Нидерландов, находился в самом критическом положении, так как не мог ни идти вперед, ни соединиться с Пишегрю. Притом Клерфэ не стал соблюдать нейтралитета, а расположился так, чтобы обойти левое крыло Журдана и сбросить его в Рейн. Следовательно, Журдан никак не мог удержаться. По совету находившихся при нем комиссаров и с согласия всех генералов Журдан решил, что отступит к Майнцу и заблокирует этот город с правого берега. Но эта позиция была ничем не лучше прежней: она оставляла его с теми же нуждами, подвергала ударам Клерфэ при невыгодных местных условиях и могла лишить возможности пройти в Дюссельдорф. Поэтому кончилось тем, что решили отступить к Нижнему Рейну. Журдан исполнил это движение в отличном порядке, не тревожимый Клерфэ, который тем временем возвратился на Майн, чтобы приблизиться к Майнцу.

К этой вести о попятном движении армии Самбры-и-Мааса присовокупились еще при-скорбные слухи об Итальянской армии. Шерер пришел в Италию с двумя превосходными дивизиями с Восточных Пиренеев, освободившихся вследствие мира, заключенного с Испанией. Однако ходили слухи, что он не уверен в себе и требует такой поддержки материалом и провиантом, какой нет возможности ему доставить, а без оной генерал грозил попятным движением. Наконец, поговаривали о второй английской экспедиции, с графом д'Артуа и новыми десантными войсками.

Хотя все эти известия не представляли ничего страшного для существования Республики, – так как она всё еще владела течением Рейна, располагала двумя лишними армиями, которые могла послать и в Италию, и в Вандею, а после киберонского дела убедилась, что может рассчитывать на Гоша и не имеет причин бояться эмигрантских экспедиций, – однако от этих известий встрепенулись роялисты, запуганные недавней неудачей, и рассердились патриоты, недовольные тем, как Конвент воспользовался их победой.

Обнародование переписки Леметра произвело самое тяжелое впечатление. В этой переписке разоблачался весь давно подозреваемый заговор. Она достоверно свидетельствовала о существовании тайной агентуры в Париже, имеющей сношения с Вероной, Вандеей и с другими провинциями, и даже с несколькими членами Конвента и комитетов, и везде возбуждающей контрреволюционные волнения. Хвастовство этих жалких агентов, заявлявших, будто они подкупили и генералов, и депутатов и связаны с монархистами и термидорианцами, только возбуждало всё большие подозрения в отношении депутатов правой стороны.

Уже указывали на Ровера и Саладена, и против них собирались верные улики. Саладен издал брошюру по поводу декретов 5 и 13 фрюктидора и был за это награжден голосами избирателей. Как на тайных сообщников роялистской агентуры указывали на Лесажа, депутата департамента Эры и Луары, Ларивьера, Буасси д'Англа и Ланжоине. Своим молчанием в дни вандемьера они очень скомпрометировали себя. Контрреволюционные газеты, с аффектацией расхваливая их, еще более вредили им. Эти самые газеты, так хвалившие семьдесят трех, напропалую ругали термидорианцев. Разрыв, казалось, был неизбежен.

Семьдесят три и термидорианцы всё еще продолжали собираться у общего друга, но между ними воцарились тайная злоба и недоверие. В последние дни сессии в собрании зашла речь о новых выборах, об интригах роялизма, о молчании Буасси, Ланжюине, Ларивьера и Лесажа. Лежандр, с обычной своей запальчивостью, попрекнул этим молчанием всех четырех депутатов, которые присутствовали тут же. Они стали оправдаться. У Ланжюине сорвалось странное слова: «Резня 13 вандемьера». Это выражение избличало большую путаницу понятий или уж совсем нереспубликанские чувства. Тальен, услышав Ланжюине, вспылал и хотел уйти, говоря, что пойдет сообщать о них Конвенту. Его окружили, унимали, старались смягчить слова, сорвавшееся у Ланжюине. Однако собрание разошлось, рассорившись.

Между тем в Париже нарастало волнение; недоверие увеличивалось со всех сторон, подозрения в роялизме падали как будто уже на всех. Тальен потребовал, чтобы Конвент назначил тайный комитет и официально обвинил Лесажа, Буасси д'Англа и Ланжюине. Доказательств, приводимых им, было недостаточно: они опирались лишь на более или менее вероятные предположения и выводы, и никто не поддержал обвинения. Луве, хотя и привязанный к термидорианцам, не поддержал обвинения, взведенного на его четырех друзей, но обвинил Ровера и Саладена и в ярких красках изобразил их поступки. Он представил совершенный ими переход от самого ярого террора к такому же яркому роялизму, и добился декрета об их аресте.

Противники Тальена потребовали, чтобы отплатить ему, обнаружить письмо претендента к герцогу Гаркуру. В письме говорилось: «Не могу поверить, чтобы Тальен был истинным роялистом». Читатели, вероятно, помнят, что парижские агенты похвалялись, будто подкупили Тальена и Гоша. Но их вечное хвастовство и клевета на Гоша достаточно оправдывают Тальена. Это письмо возымело мало действия, потому что Тальен еще с киберонского дела слыл не только не роялистом, но кровожадным сторонником террора.

Так люди, которым следовало бы стараться общими усилиями спасти и защитить революцию – их общее творение, – не доверяли друг другу и позволяли себя компрометировать. Из-за клеветы роялистов последние дни этого славного собрания окончились среди смут и бурь.

Тальен наконец потребовал назначения комиссии из пяти членов на время перехода от одного правительства к другому. Конвент назначил его самого, Дюбуа-Крансе, Флорана Гюйо, Ру, депутата Марны, и Пон де Вердена. Целью комиссии было предотвращение роялистских интриг на выборах и успокоение республиканцев насчет состава нового правительства. Гора, исполненная рвения, вообразила, что эта комиссия осуществит все ее желания, и распустила слух, будто выборы отменены и введение в действие конституции будет отложено на неопределенное время. Монтаньяры уверили сами себя, что еще не пришло время предоставить Республику самой себе, что роялисты не совсем разбиты и нужно еще на некоторое время оставить революционное правительство, чтобы окончательно сокрушить их.

Контрреволюционеры нарочно стали распускать те же слухи. Депутат Тибодо, – до тех пор не державшийся ни монтаньяров, ни термидорианцев, ни монархистов, но остававшийся искренним республиканцем и теперь избранный тридцатью двумя департаментами, – естественно не мог относиться к состоянию умов с таким недоверием, как термидорианцы. Он думал, что Тальен и его партия клеветают на нацию, принимая против нее столько предосторожностей; ему даже представилось, что у Тальена имеются какие-то личные замыслы, что он хочет встать во главе Горы и сделаться диктатором под предлогом защиты Республики от роялистов.

Тибодо с горечью восстал против этого мнимого плана диктатуры и позволил себе неожиданный выпад против Тальена, удививший всех республиканцев, потому что они не понимали его причины. Эта выходка повредила Тибодо во мнении наиболее настороженных членов собрания и заставила их подозревать за ним намерения, которых он не имел. Тибодо напомнил, что был одним из тех, кто приговорил Людовика XVI к смерти, но участие в казни уже не казалось вполне достаточной гарантией. Итак, несмотря на твердую преданность Республике,

выпад Тибодо против Тальена повредил ему во мнении патриотов и заслужил преувеличенные похвалы со стороны роялистов. Конвент перешел к очередным делам и дождался отчета, составленного Тальеном от имени комиссии пяти. Результатом трудов этой комиссии явился проект декрета, содержащий следующие положения:

1. Увольнение со всех должностей – гражданских, муниципальных, судебных и военных – эмигрантов и родственников эмигрантов впредь до заключения всеобщего мира;

2. Разрешение на выезд из Франции, с правом увезти с собой имущество, всем, кто не пожелает жить по законам Республики;

3. Отставление от службы всех офицеров, не служивших после 10 августа или возвращенных на свои места после 15 жерминаля, то есть после работы, проделанной Обри.

Все эти положения были приняты.

Затем Конвент официально, декретом, заявил о присоединении Бельгии к Франции и разделении ее на департаменты. Наконец, 26 октября 1795 (4 брюмера года IV), перед тем как разойтись, депутаты решили ознаменовать великим актом милосердия конец своей долгой и бурной деятельности: постановили, что смертная казнь будет отменена во Французской республике со дня заключения всеобщего мира; переименовали площадь Революции в площадь Согласия; наконец, объявили амнистию за все проступки, касающиеся революции, исключая бунт 13 вандемьера. Это равнялось освобождению представителей всех партий, кроме Леметра, так как он был единственным из заговорщиков, против которого имелись достаточные улики.

Приговор к ссылке, произнесенный Бийо-Варенну, Колло д'Эрбуа и Бареру, отмененный потом, с тем чтобы заново судить, то есть приговорить уже к смерти, теперь утвердили снова. Барера, который один еще не был увезен, велели посадить на корабль.

Все тюрьмы должны были раскрыть свои двери. В два часа пополудни, когда президент Конвента произнес следующие слова: «Национальный конвент объявляет, что порученное ему дело исполнено и сессия его окончена!» – тысячекратно повторяемые крики «Да здравствует Республика!» раздались отовсюду.

Так окончилась продолжительная и достопамятная сессия Национального конвента. Память о себе Конвент оставил грозную; однако в его пользу можно привести один факт – такой важный, что все упреки отпадают сами собой: Конвент спас Францию от иноземного вторжения! Предшествовавшие собрания завещали ему Францию, окруженную опасностями; он же завещал Директории и Империи Францию спасенную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.